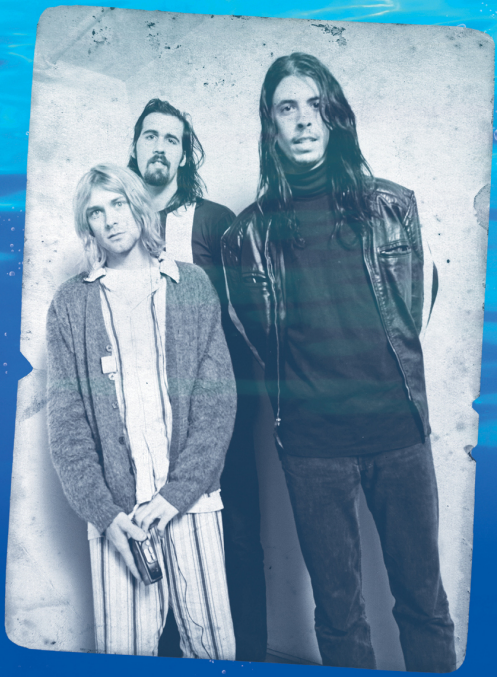
ИСТОРИЯ NIRVANA

COME AS YOU ARE

18+



МАЙКЛ АЗЕРРАД

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ КУЛЬТОВОЙ КНИГИ

Майкл Азеррад
Come as you are: история Nirvana, рассказанная Куртом Кобейном и записанная Майклом Азеррадом
Серия «Подарочные издания. Музыка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57871758
Come As You Are : история Nirvana / Азеррад, Майкл. [перевод с английского Н. Вершининой].: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110318-7

Аннотация

«Казалось, что он не умел говорить „без комментариев“, и отвечал на все вопросы, что я ему задавал», – вспоминает свое общение с Куртом Кобейном автор этой книги. Биография, написанная Майклом Азеррадом, стала единственным повествованием о Nirvana, записанном и вышедшем до трагической смерти ее лидера.

Первое издание появилось на свет в 1993 году, оно представляло собой монументальный труд, собранный из десятков эксклюзивных и подробных интервью с участниками

группы: Куртом Кобейном, Кристом Новоселичем и Дейвом Гролом, с их друзьями и членами семей. Come As You Are – это крупный план, интимная история Nirvana, раскрывающая феномен взявшейся из ниоткуда группы, чьи альбомы сразу стали расходиться многомиллионными тиражами. Чей голос олицетворял всю растерянность, разочарование и страсть нового поколения. Так было в 90-х, таким это остается и в наши дни. Это книга о бунтарях, а не о легендах, о жизни, а не о фатальности. Свежая история, отличающаяся от всех посмертных исследований их творчества.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Команда проекта 7
Благодарности 10
Нулевая глава 12
Глава I 32
Глава II 64
Глава III 102
Глава IV 116
Конец ознакомительного фрагмента. 154

Майкл Азеррад
Come as you are: история Nirvana, рассказанная Куртом Кобейном и записанная Майклом Азеррадом

Посвящается Джули

COME AS YOU ARE
© 1993 by Michael Azerrad
© Gutchie Kojima / Shinko Music / HYPERLINK «http://gettyimages.ru/»
GettyImages.ru

Выражаем огромную благодарность за помощь в подготовке книги *Антону Зарицкому, Александру Беляеву,* редакции издания Rock Week magazine и сообществу https://vk.com/nirvanamusic.

В первом издании Come as you are были фотографии группы, но, к сожалению, спустя много лет иллюстрации не со-

хранились для печати. Однако текст по-прежнему актуален и хорош, надеемся, вы, как и мы, получите удовольствие от прочтения этой книги.

© Вершинина Н., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Команда проекта

ПЕРЕВОДЧИК – НАДЕЖДА ВЕРШИНИНА

«Книга была одной из первых биографий Nirvana и входит в список “50 величайших рок-биографий всех времен”, поэтому мне, как человеку, любящему группу и более-менее знакомому с ее историей, было очень приятно над ней работать. Книга была для меня интересна прежде всего огромным количеством новых, неизвестных мне фактов и живым взглядом автора на события, так как писалась она в контакте со всеми участниками группы, а не стала компиляцией, собранной из общеизвестных источников. Книга может быть интересна не только поклонникам группы Nirvana, но и всем любителям современной рок-музыки, так как описывает множество процессов, происходивших в музыке конца 1980-х – начала 1990-х годов и повлиявших на формирование современной рок-сцены».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР – ЯНА МИХАЙЛОВА

«Эти строки захватывают с первых страниц. Захватывают и не отпускают. Удивительный мир удивительного человека, чувственный монолог «на кончиках пальцев». Череда уличных открытий и знакомств, страстные погружения в джаз, баскетбол, карате и панк, жажда приключений, бесконечное

стремление познать себя, распахнуть свою душу. И любовь. Через боль, через нежность, через бытие».

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР – ЕЛЕНА РУМЯНЦЕВА

«Работа над книгой проходила на одном дыхании. Будучи давней поклонницей творчества Курта Кобейна, узнала много новых подробностей из его жизни: порой забавных, порой печальных. То, что книга частично построена на диалогах, дает возможность воспринимать текст со своей личной позиции, не опираясь на мнение автора. Такой подход заставляет больше погружаться в события, проживать и переживать их вместе с участниками».

КОРРЕКТОР – ОЛЬГА АМЕЛЮШКИНА

«Курт Кобейн и Nirvana – это неотъемлемая часть определенного периода моей жизни в школьные годы. Когда я впервые услышала о группе, Курта уже не было в живых, и почему-то это заставляло как-то по-особенному относиться к музыке, которую слушала. И спустя много лет это особенное отношение сохранилось, когда я читала эту книгу. Какая-то возможность узнать человека, хотя бы попытаться понять его поступки. И уж совсем невероятные эмоции были от концовки. И вроде знаешь, чем все кончилось, и все равно переживания какие-то глубокие. Книга оказалась очень полезна и в эмоциональном плане».

«Одна из тех книг, которая в обязательном порядке должны быть у каждого поклонника гранжа. Да и вообще у любого человека, который интересуется рок-музыкой – ведь трио из Абердина перешагнуло все рамки жанров и стало достоянием человечества. Майкл Азеррад писал свою «Истори. группы Nirvana» тогда, когда Курт был еще жив – первое издание книги вышло и стало бестселлером еще в 1993 году. Через полгода Майклу пришлось дописывать послесловие о смерти своего героя – в этом переводе оно есть. Но основная часть книги – это Nirvana тех времен, когда люди и не представляли себе. что с группой может что-то случиться. Тем интереснее посмотреть, как группу воспринимали тогда».

ROCK FM 95.2

Благодарности

Я глубоко признателен за помощь и поддержку следующим людям:

Курту и Кортни

Кристу и Шелли

Дэйву

Чэду Ченнингу

Джону Сильве, Бетэнн Будденбаум и Майклу Мейзелу

Сьюзи Теннант и Кристу Свенсону

Рэнди Уэйджу

Марку Кейтсу

Рошелль Фокс, Люку Вуду, Дэннису Деннехи и Кристси Шэннон из Geffen

Чарльзу Питерсону

Трейси Марандер

Нилу Россу

Брюсу Трэйси

Скотту Мойерсу

Саре Лэйзин и Лоре Нолан

Миссис Бернис Ченнинг

Венди О'Коннор

Мэрисаре Квинн

Кэрри Фрид

Эми Финнерти

Нильсу Бернштейну
Марку Доктороу
Бет Коэн
Мэтту Суини

Не благодарю: Lunatic Fringe[1] (рекорд 29,715, уровень 40)

[1] Возможно, это название одного из уровней игры Duke Nukem, действие которого происходит на инопланетной космической станции. – *Здесь и далее прим. ред.*

Нулевая глава

Девятое апреля 1993 года, арена Cow Palace в Сан-Франциско. Одиннадцать тысяч человек – гранджеры, качки, металлисты, мейнстримеры, панки, родители с маленькими детьми, хиппи – все они приехали из такой дали, как Лос-Анджелес и Сиэтл, на первое за семь месяцев выступление Nirvana в Америке, организованное в пользу боснийских жертв насилия. Помимо семинедельного клубного тура в конце 1991 года, американские поклонники могли наблюдать за живым выступлением группы на телешоу «Saturday Night Live»[2] около года назад. За это время произошло многое: поползли слухи о наркотиках, о распаде группы, судебные дела и около пяти миллионов копий альбома *Nevermind*, проданных по всему миру. И многого *не* произошло – стадионный тур по США, новый альбом. Этот концерт был решающим.

Группа выходит на сцену. Курт Кобейн в светло-голубом кардигане, вывернутой наизнанку футболке группой Captain America и рваных синих джинсах, слегка нервничая машет толпе. Он специально осветлил волосы; они мочалкой пада-

---

[2] Saturday Night Live – вечерняя музыкально-юмористическая передача на американском канале NBC, одна из самых популярных и долгоиграющих в истории телевидения США. Премьера состоялась 11 октября 1975 года.

ют ему на глаза и закрывают верхнюю часть лица.

После вступительных аккордов *Rape me* группа начинает играть со взрывной силой, звук залпами летит со сцены в толпу – *Breed, Blew, Sliver, Milk it*[3], *Heart Shaped Box*. Ближе к концу они играют «тот самый хит с большой буквы», и, стоит только Курту проиграть вступительные аккорды, как мошеры[4] в зале просто слетают с катушек. И, когда во время исполнения *Lithium* в воздух поднимаются горящие спички и зажигалки, каждый в этом огромном ангаре осознает, почему он так любит Nirvana.

Хотя Криста Новоселича и Курта разделяет по меньшей мере тридцать футов, они двигаются и взаимодействуют друг с другом так, будто стоят намного ближе; они общаются безо всяких усилий. В середине выступления Курт обращается к Кристу со словами: «Я в порядке! Я могу играть еще целый час!» И они играют, умудряясь уложиться в полтора часа с двадцатью четырьмя песнями, включая восемь песен из предстоящего альбома. Толпа воодушевленно аплодирует новинкам, особенно жесткому долбежу *Scentless Apprentice* и великолепной *All Apologies.*

Эдди Веддер из Pearl Jam заглядывает на сцену из-за ку-

---

[3] Кстати, данная композиция была впервые исполнена на концерте 9 апреля 1993 года. А на альбоме она была выпущена лишь в сентябре 1993 года (на последнем, третьем альбоме «In Utero»).

[4] Мошеры – люди, которые любят размахивать кулаками и ногами перед лицом друг друга. Это целая культура, которая развивается совместно с экстремальной музыкой.

лис сбоку; рядом с ним – Дейл Кровер из The Melvins. Фрэнсис Бин Кобейн сидит наверху, в гримерной отца, в компании няни; спускаясь, Кортни ловко уворачивается от бутылки с минеральной водой, которую Курт бросил, не глядя. Она саркастически помахала ему в ответ.

По окончании серии песен Курт, Крист и Дэйв исчезают за барабанной установкой и передают друг другу сигарету, обсуждая, какие песни сыграть дальше, а затем возвращаются еще на полчаса и играют семь песен. Кульминацией становится *Endless, Nameless* – загадочный трек, закрывающий альбом Nevermind. Группа играет основной рифф песни все быстрее и быстрее, пока он не становится трансовым. Курт поднимается на свою стойку с усилителями. Она не слишком высокая, но он ходит по ней, будто потенциальный самоубийца по карнизу. Музыка все ускоряется и ускоряется. Гитары беснуются, Крист отстегивает ремень и размахивает бас-гитарой перед своим усилителем; Дэйв Грол молотит с удивительной точностью. Музыка доходит до своего пика, и Курт падает на барабанную установку. Барабаны и стойки тарелок падают вслед за ним, напоминая хищный цветок, раскрывший лепестки и поглотивший жертву. Конец шоу.

Люди спрашивают друг друга, в порядке ли Курт. Вряд ли это был запланированный трюк. Если бы это было так, они наверняка подложили бы туда что-нибудь. Возможно, это была дурацкая выходка, словно школьника, нарочно разбившего нос и размазавшего кровь по лицу, чтобы от него

отстали, что-то в духе I hurt myself before you can («Я причиню себе вред раньше, чем это успеешь сделать ты»). Выходка парня, начавшего концерт с песни под названием Rape me («Изнасилуй меня»). Возможно, это дань любимым «трюкачам» Курта – Ивелу Книвелу[5] и Игги Попу. Или же Курта настолько завела музыка, что ему стало плевать на физические увечья, и он стал словно увлеченный индийский йог, шагающий по раскаленным углям? Судя по реакции публики, возбужденной и радостной, последнее объяснение подходит больше всего.

После концерта вся команда отмечает триумфальное выступление во внутреннем дворе модного мотеля «Феникс» – за исключением Курта и Кортни, удалившихся в шикарный отель на другом конце города. По словам Кортни, «Феникс» вызывает у них плохие воспоминания. И кроме того, банные полотенца здесь слишком маленькие. Но даже без них это место превращается в маленькую деревеньку Nirvana. Тут Дэйв, его мать и сестра, Крист и Шелли, а также улыбчивый Эрни Бейли, гитарный техник, его жена Бренда, тур-менеджер Алекс Маклеод, светодизайнер Сюзанна Сасик, люди из Gold Mountain Management, Марк Кейтс[6] из Geffen/DGC[7]

---

[5] Ивел Книвел – американский исполнитель трюков, получивший мировую известность благодаря своим рискованным трюкам на мотоцикле.

[6] Марк Кейтс был директором отделения альтернативной музыки в новом филиале Geffen/DGC.

[7] Geffen/DGC – американская звукозаписывающая компания, принадлежащая Universal Music Group.

и даже члены сиэтлской группы Love Battery, которые случайно оказались в городе. Крист спускается в продуктовый магазин, берет пару связок пива, и вечеринка продолжается до самого рассвета.

На следующий день Крист совершает паломничество в легендарный книжный магазин City Lights. Он выходит на улицу к банкомату, где бездомный провозглашает: «Добрые вести, люди! Мы будем рады принять в честь Пасхи двадцатидолларовые купюры!» – и Крист дает ему одну.

Концерт в Cow Palace стал победой. Он был похож на подтверждение того, что панк-рок-группа, сорвавшая главный джекпот мейнстрима, сделала это не случайно. Эта победа стала резонансной для группы, да и для всех подобных групп, и, возможно, даже для рок-культуры в целом. Как недавно сказала Ким Гордон[8] из Sonic Youth: «Когда такая самобытная группа, подобная Nirvana, выходит из андеграунда, она в действительности отображает то, что происходит в культуре, и это не коммодити»[9].

То, что происходило на тот момент в культуре, выражалось не только в звучании музыки, но и в том, как она становилась популярной, что не менее важно.

Феномен панк-рока возник в тот момент,

---

[8] Ким Гордон – Американская вокалистка, бас-гитаристка альтернативной рок-группы «Sonic Youth».

[9] Коммодити – распространенный предмет потребления, который не отличается уникальностью.

> когда Джонни Рамон впервые поднес медиатор к струнам, вдохновляя на полуторавековую тяжелую работу бесчисленные группы, независимые звукозаписывающие лейблы, радиостанции, журналы и фэнзины[10], а также небольшие магазины с пластинками, которые изо всех сил пытались создать некую альтернативу безликому, снисходительному корпоративному року, навязываемому публике циничными крупными лейблами, обезличенными аренами, мегакрупными магазинами пластинок, никудышными радиостанциями и зазнавшимися национальными рок-журналами.

Вдохновленный революцией панк-рока, музыкальный андеграунд сформировал всемирную сеть, теневую музыкальную индустрию. Она продолжала расти до тех пор, пока даже самые упорные усилия музыкальной индустрии, контролируемой поколением беби-бумеров[11], не смогли сдержать ее. Первым взрывом были R.E.M., затем пришли Jane's Addiction, а потом произошел Большой Взрыв: на сегодняшний день по всему миру продано больше восьми миллионов копий альбома *Nevermind*. Он бросил вызов лучшим рабо-

---

[10] *Англ. fanzine*, от fan magazine, иногда просто зин – любительское малотиражное периодическое или непериодическое издание (журнал, информационный бюллетень, фотоальбом, альманах и так далее). Фэнзины выпускаются различными субкультурами, любителями определенных жанров музыки, а также фантастики, военных и ролевых игр.

[11] Поколение беби-бум – поколение, рожденное в период беби-бума, всплеска рождаемости после Второй мировой войны с 1946 по 1964 год.

там таких знаменитостей, как Майкл Джексон, U2 и Guns n' Roses, и попал на первое место в чарте Billboard.

После этого все разделилось на «до» и «после» Nirvana. Радио и пресса начали всерьез воспринимать эту «альтернативу». Звукозаписывающие лейблы резко переосмыслили свою стратегию. Вместо того чтобы активно продвигать легкую поп-музыку, которая всегда хорошо продается и потом больше никогда не слушается, они решили начать подписывать договоры с долгосрочной перспективой. Лейблы продвигали их на местном уровне, вместо того чтобы вкладывать в них деньги до того, как они начнут приносить прибыль. Это было похоже на путь, который прошли Nirvana – начиная с небольшой группы СМИ и музыкальных фанатов, чье ценное сарафанное радио расширяло фан-базу группы сначала понемногу, а затем все стремительнее. Минимум рекламы, просто хорошая музыка[12].

Исследовательское рвение, необходимое для того, чтобы пробиться сквозь болото независимой музыки, по сути, было лишь критикой стадного потребительства. Это было нежелательным развитием событий для крупных лейблов, зависящих от денег, потраченных на рекламу, в попытках донести до публики свое видение. Независимая музыка требовала независимого мышления – от артистов, которые создава-

---

[12] Имеется ввиду, что звукозаписывающие лейблы не вкладывали денег в раскрутку и рекламу группы, ожидая, что группа сама бесплатно обретет популярность посредством сарафанного радио, фанатов и маленьких СМИ.

ли ее, предпринимателей, продающих эту музыку, и людей, которые ее покупали. Отыскать новый сингл Calamity Jane[13] намного сложнее, чем последний компакт-диск C+C Music Factory[14].

В 1990 году на первое место в чартах не попал ни один рок-альбом, из-за чего некоторые эксперты отрасли прогнозировали смерть рок-культуры. Аудиторию этой музыки систематически делили на группы менеджеры радиостанций, которые ищут идеальную целевую аудиторию, и маловероятно, что поклонники рока могли бы объединиться вокруг одной записи в достаточном количестве, чтобы поднять ее на вершину чартов. Одновременно с тем, как рок перерос в высохший, хорошо обработанный искусственный бунт, такие жанры, как кантри и рэп, обращались напрямую к настроениям и заботам масс. Хотя в 1991 году хитами № 1 становились и другие рок-альбомы, Nevermind объединил аудиторию, которая никогда раньше не была единой, – людей за двадцать.

Двадцатилетняя молодежь устала от старикашек вроде Genesis, Эрика Клэптона и от искусственного творчества Полы Абдул и Milli Vanilli, которое стояло комом в горле, и просто хотела иметь свою собственную музыку. Что-то, что вы-

---

[13] Calamity Jane – женская гранж/панк-группа, образованная в Портланде (штат Орегон) в 1989 году.

[14] Music Factory – музыкальная продюсерская группа, знаменитая тем, что семь раз получала первые места в танцевальных/клубных чартах с начала и до середины 1990-х.

ражало бы их чувства. Количество детей из разведенных семей было ошеломляющим. Они твердо знали, что были первым американским поколением, у которого практически нет надежды добиться большего, чем их родители, поколением, которое будет страдать из-за финансовых крайностей рейгановских восьмидесятых, поколением, сексуальный расцвет которого тонул в тени СПИДа, поколением, которое в детстве мучали кошмары о ядерной войне. Они чувствовали себя неспособными изменить опасную обстановку и провели большую ее часть либо с Рейганом, либо в Белом доме с Бушем, под воздействием репрессивного сексуального и культурного климата. И перед лицом всего этого они чувствовали себя беспомощными.

В восьмидесятые годы многие музыканты протестовали против различных политических и социальных неравенств, но большинство из них создавали ажиотаж, например Дон Хенли, Брюс Спрингстин и Стинг. И многие фанаты видели в этом протесте то, чем, по сути, он и был: позерство, стремление «подмазаться», самодовольная самореклама. И вообще, почему именно Duran Duran выступали на фестивале Live Aid? Реакция Курта Кобейна на трудные времена была настолько прямой, насколько это только возможно, и чертовски честной. Он кричал.

> Однако было бы ошибкой называть Курта Кобейна голосом целого поколения. Голосом всего поколения был Боб Дилан. Курт Кобейн не дает никаких ответов

и даже почти не задает вопросов. Он издает истошный вопль, упиваясь негативным экстазом. И если это и есть современное звучание подросткового духа, то так тому и быть.

Песни на Nevermind, возможно, были об отчужденности и апатии, но об апатии к вещам, которые все равно ничего не значат. И напротив, группа выражала жесткие эмоции относительно феминизма, расизма, цензуры и особенно гомофобии. И любой намек на бездействие уничтожался потрясающей силой музыки (особенно взрывной барабанной дробью Дэйва Грола) и неоспоримым мастерством написания песен. Это была музыка, наполненная страстью, музыка, которая не притворялась. Погружение в Nirvana придавало сил поколению, у которого не было никакой силы.

Юные годы участников группы отражают жизнь всего их поколения. Все трое родом из разрушенных семей. Все трое (и даже их предыдущий барабанщик) вели болезненное, отчужденное детство; двое из них даже бросили школу в старших классах.

Несмотря на то, что Nirvana считается частью «Сиэтл-саунда», сами они – не сиэтлская группа. Курт Кобейн и Крист Новоселич родом из изолированного прибрежного лесозаготовительного городка Абердин, штат Вашингтон. Свое совершеннолетие группа встретила там и в соседней Олимпии, родине K Records и «наивной поп-группы» Beat

Happening[15], оказавших основное философское, или даже музыкальное, влияние на Nirvana. Когда Курт говорит о панк-роке, он не имеет в виду зеленые волосы и проколотые булавкой ноздри. Он имеет в виду самодельные, верные себе, простые идеалы K Records, Touch&Go, SST и других отчаянных независимых студий. Это попытка отобрать музыку у корпораций и вернуть ее людям, сделать электронной фолк-музыкой.

Члены Nirvana явно не были сотрудниками корпораций (они посетили штаб-квартиру своей студии в Лос-Анджелесе ровно один раз) – группа тщательно поставила себя находящейся вне идеализированного общего направления, придуманного Мэдисон-авеню, телевизионными верхушками, крупными студиями звукозаписи и Голливудом. Если использовать уже ставший привычным термин, то Nirvana представляла собой некую альтернативу. После того, как восемь миллионов человек сказали, что чувствуют одно и то же, пришлось пересмотреть основное направление.

Многие группы из чартов делали достаточно

---

[15] Beat Happening – американская инди-группа, образовавшаяся в 1982 году в Олимпии и известная своим «примитивистским» стилем – нарочито «непрофессиональная» и несобранная игра музыкантов, простые мелодии, наивные тексты, низкое качество записи. Beat Happening считаются пионерами американского инди-попа и *Lo-fi* музыки и одними из главных популяризаторов идеологии D.I.Y. Фронтмен Beat Happening Кэлвин Джонсон, кроме того, стал основателем влиятельного инди-лейбла K Records (Bikini Kill, Бек, Modest Mouse) и сотрудничал с основателями Sub Pop.

хорошую музыку, но это было лишь развлечением. Эта же музыка имела резонанс. Она не была ни хитростью, ни расчетом. Она была волнующей, пугающей, прекрасной, порочной, неопределенной и ликующей. Эта музыка не просто «качала», ей можно было еще и подпевать.

Слава не была тем, чего добивалась группа или с чем была готова иметь дело. Она стала настоящим сюрпризом и смущала их. Было слишком рано. Крист и Дэйв восприняли славу достаточно тяжело, но Курту было еще тяжелее. Группа затаилась на большую часть 1992 года, и к началу весны следующего года Курт, Крист и Дэйв смогли оглянуться и оценить все, что произошло.

Дэйв рассказал свою версию этой истории в Laundry Room, скромненькой сиэтлской студии звукозаписи, которой он владеет вместе со своим старым другом и барабанщиком Барреттом Джонсом. Он сидит на полу среди приборов, усилителей и кабелей в застегнутой на все пуговицы рубашке со значком K Records и жадно поглощает вредную еду из соседнего 7-Eleven. Дэйв собран и очень уравновешен для своих двадцати четырех лет. Он чрезвычайно самонадеян; он не питает никаких иллюзий о величии и никогда не продаст себя дешево. «Он самый уравновешенный парень из всех, кого я знаю», – любит повторять Курт.

Из всех троих Дэйв был наименее заметен – в конце концов, у него не было такого выдающегося роста, как у Криста,

и он не был вокалистом, как Курт. Так же как и Крист, он постоянно ходит на Сиэтлские концерты, и его можно найти стоящим в толпе наравне с другими. Его положение идеально, и он это знает – он играет в одной из самых успешных рок-групп на планете, и, несмотря на это, он может выйти вечером в город и на пальцах одной руки пересчитать тех, кто узнает его.

«У Криста золотое сердце, – говорит о нем друг семьи. – Он очень добрая душа». Крист говорит медленно, осторожно, и, даже не читая умных книг, он словно гений здравого смысла, всегда готов к откровениям, пробивающимся сквозь всю эту чушь. Самозваный «новостной наркоман», он глубоко обеспокоен и достаточно хорошо осведомлен о ситуации в бывшей Югославии, откуда родом его семья.

Он вместе со своей очаровательной и спокойной женой Шелли владеет скромным домом в тихом пригороде Сиэтла, университетском районе. Это своего рода общественное место – с ними живет его сестра Диана, и тур-менеджер Алекс Маклеод, яркий шотландец с «конским хвостом», настолько преданный, что он, вероятно, пойдет под пули за любого из членов группы. К ним постоянно заходит в гости брат Криста Роберт. С начала марта Ким Гордон и Терстон Мур из Sonic Youth тоже живут здесь, завершая свое мировое турне в этом городе. Гордон, Мур и Марк Арм из Mudhoney заходят в гости после скупки пластинок, одна из которых довольно старая, запись Бенни Гудмана 78-го года. Когда по-

сле треска и шипения старой Victorola начинает играть Royal Garden Blues, Крист говорит Муру: «Да, чувак, lo-fi. Вот как звучит наша новая пластинка!»

В гостиной, обставленной броской старой мебелью из комиссионного магазина, господствует огромный музыкальный автомат. Но в основном все тусуются на кухне, включая кошек Эйнштейна и Дорис. Холодильник заполнен всякой натуральной едой без консервантов. Везде, где только можно, валяется макулатура. Внизу, в подвале, где Крист устроил вечеринку накануне того, как группа уехала записывать *In Utero,* – винтажная барная стойка конца пятидесятых годов и три пинбольных автомата – Kiss, The Adams Family и Evel Knievel. Старые приятели – Мэтт Лукин из Mudhoney, Тэд Дойл из TAD и Ди Плакас из L7, новые приятели – Эдди Веддер, люди из огромной семьи Nirvana, такие как Эрни Бейли и Гэри Герш из Geffen/DGC, – все веселились до рассвета. Шелли приготовила несколько вегетарианских закусок.

Крист живет приземленно, тратит деньги с умом. Его жизнь сложно назвать роскошной жизнью рок-звезды – с его старого магнитофона отваливается кассетная дека.

* * *

После краткого предварительного интервью, проведенного незадолго до Рождества 1992 года, в начале февраля со-

стоялся первый раунд более чем двадцатипятичасовых бесед с Куртом. Они начинались очень поздно вечером, после того как Курт возвращался с репетиций для *In Utero*, и продолжались до четырех или пяти утра. В самый разгар переезда во временный дом в Сиэтле Курт расхаживал по их с Кортни гостиничному номеру в разномастных пижамах, выкуривая сигарету за сигаретой и приправляя свой рассказ чрезвычайно сухим и саркастическим остроумием. Однажды он включил виртуальную машину реальности – нечто среднее между плеером Walkman и частным психоделическим световым шоу, – с которой он экспериментировал, пытаясь контролировать хроническую боль в животе. Различные настройки должны были стимулировать память, способность к творчеству, энергию и расслабление.

> Курт и Кортни живут довольно простой для мировых звезд жизнью. У них нет ни охранников, ни мускулистых телохранителей. Курт ездит на такси по городу, заезжает в «Макдоналдс» съесть бургер и носит нелепую шляпу Элмера Фадда[16], иногда для маскировки надвигая ее на лицо.

Однажды вечером посетитель вошел в отель, поднялся на лифте на их этаж и вошел прямо в открытую дверь, где увидел Курта и Кортни, которые лежали на кровати в пижамах, прижавшись друг к другу, и смотрели дрянной телевизион-

---

[16] Элмер Фадд – вымышленный мультипликационный герой, один из самых известных персонажей Looney Tunes, заклятый враг Багза Банни.

ный фильм Лейфа Гаррета в полной темноте. «О, привет», – сказала Кортни, даже не вздрогнув.

Курт кажется хрупким и тонким. Его речь похожа на бесстрастное пение, превратившееся из-за слишком большого количества выкуренных сигарет в низкое рычание. Это придавало ему грусти и опустошенности и делало похожим на человека, который только что рыдал. Но на самом деле он таким и был.

– Меня считают эмоциональной катастрофой, этакой абсолютно негативной черной дырой, – говорит Курт. – И спрашивают, в чем дело. А со мной все в порядке, мне вовсе не грустно. И в какой-то момент мне пришлось посмотреть на себя со стороны. Я подумал, что, возможно, мне стоит сбрить брови. Это могло бы помочь.

Хотя харизма Курта практически осязаема, он был довольно сдержанным. Это вынуждало мысленно преувеличивать каждую его реакцию: задумчивое «хм» превращается в «Вау!»; легкий смешок – в хохот; косой взгляд – практически в убийственный.

Как на фотографиях, так и в жизни его лицо может выражать множество различных эмоций. Иногда он выглядит как ангелочек, иногда как рассеянный бродяга, а иногда как парень, который чинит тебе коробку передач. А порой, при определенном освещении, он жутко походил на Роуза. Его бледное лицо слегка прикрыто неряшливой щетиной. Ярко-красная повязка на голове просвечивает сквозь фирмен-

ную немытую шевелюру, на данный момент светло-рыжеватую. Обычно он ходит в пижаме и неопрятно выглядит. Хотя его расписание особо не связано с временем суток, он всегда носит часы с изображением Тома Питерсона, владельца сети магазинов бытовой техники в Орегоне.

Глаза у Курта необыкновенного синего цвета, и они придают его лицу испуганное выражение. В этой своей пижаме он производит впечатление молодого контуженного рядового, расхаживающего по дому ветеранов. Но он ничего не упускает.

В начале марта, после записи нового альбома группы, *In Utero*, Курт, Кортни и их маленькая дочь Фрэнсис переехали в большой арендованный дом с видом на озеро Вашингтон. За кухонным столом Курт играл в потрошение пластмассовой анатомической модельки, куря сигареты одна за одной.

– Мне нравится, что их можно разбирать на части и рассмотреть внутренности, – говорит он. – Органы меня завораживают. Они работают. И они могут лажать, но трудно поверить, что человек может ввести в свой организм что-то ядовитое, например алкоголь или наркотики, и все эти механизмы могут смириться с ними на некоторое время. Удивительно, что они вообще их принимают.

Дом очень скудно обставлен – бежевый ковер от стены до стены, голые стены, но это только временно. В конце года семья переедет в перестроенный дом в маленьком городке в нескольких десятках миль от Сиэтла. Они ищут место для

отдыха на престижном Капитолийском холме Сиэтла. Наверху – спальня, детская и мастерская Курта, где на мольберте стоит портрет высохшего, несчастного существа со скелетообразными руками и безжизненными черными глазами. В ванной комнате на первом этаже стоит премия MTV «Лучший новый исполнитель», маленький серебряный космонавт, пристально наблюдающий за туалетом. У няни Фрэнсис, Джеки, есть своя комната в подвале. В столовой, расположенной рядом с кухней, установлена дорожка для модели автомобиля.

Одна комната в доме обозначена как «кают-компания». Пол завален старыми письмами, записками, рабочими кассетами, пластинками, фотографиями и плакатами, относящимися к самым ранним временам творческой жизни Курта. У одной стены стоит буддистское святилище Кортни, которым она теперь почти не пользуется, вероятно, потому, что не может пробраться к нему из-за беспорядка. Коричневый бумажный пакет опрокинулся, и из него вывалилось около дюжины пластиковых кукол Полковника Сандерса и Пончика Пиллсбери.

Гитары здесь повсюду, даже в ванной. Звонкий старичок Martin стоит в гостиной около более скромного инструмента, выкрашенного в красный цвет и покрытого аппликацией из цветов.

Семимесячная Фрэнсис Бин Кобейн – очаровательный ребенок с пронзительными голубыми

глазами, доставшимися ей от отца, и линией подбородка от матери. Казалось, что ее родители по-настоящему много с ней возятся и очень сильно любят. Иногда кажется, что Курт умеет обращаться с детьми лучше, чем Кортни, но тем не менее они оба прекрасно справляются с обычными гугукающими звуками, которыми развлекают ребенка.

Судя по всему, Фрэнсис сотворила с Куртом чудо.

– Он смотрит на Фрэнсис и все время говорит: «Вот такой я был раньше! Вот именно такой!» – говорит Кортни. – Человека нельзя изменить, но я стараюсь опять сделать его счастливым. И это довольно трудно, потому что он всегда чем-то недоволен.

Как-то вечером Кортни тихонько бренчала на акустической гитаре в бумбокс в гостиной наверху, а внизу, в гараже рядом с их подержанным «Вольво», Курт колотил по ветхой барабанной установке, оставшейся после какого-то давно забытого тура. Гараж заполнен множеством коробок с бумагами, произведениями искусства, гитарными потрохами и многолетними покупками в комиссионных магазинах. Два ящика набиты прозрачными пластиковыми мужчинами, женщинами и даже лошадьми. Рядом находятся усилитель, бас-гитара и единственная вещь в доме, которую можно было бы назвать излишеством, – игровой автомат по типу Space Invaders, который Курт купил за пару сотен баксов. Высокие баллы на нем он подписывает сочетаниями букв типа «члн»,

«дрм» и «блд».

Наши беседы были чрезвычайно откровенны. У Курта есть простое объяснение его прямоты.

– Я попался, – говорит он, имея в виду свои широко освещенные проблемы с героином, – так что я могу открыто признаться и попытаться взглянуть на это немного более позитивно. Все думают, что я уже много лет сижу на игле. На самом деле я был наркоманом совсем недолго.

Более того, его не волнует то, что ужасающие мифы вокруг группы – и вокруг него самого – раскроются. Совсем наоборот.

– Я никогда не хотел, чтобы вокруг нас были какие-то тайны, – сказал он мне однажды. – Просто вначале мне было нечего сказать. Теперь, когда прошло достаточное количество времени, есть некая история. И все же каждый вечер после твоего ухода я думаю: Боже, моя жизнь чертовски скучна по сравнению со всеми остальными людьми, которых я знаю.

Курт горит желанием все исправить. О нем, его жене и даже маленькой дочери ходило много слухов, и чтобы минимизировать свои потери, он решил просто рассказать, как все было на самом деле. Его рассказы иногда эгоистичны, полны рационализма и противоречий, но даже эти искажения раскрывают его жизнь, его искусство и то, как они связаны.

Глава I
Маленький бунтарь с грязными волосами

Абердин, штат Вашингтон (население 16 660), находится в ста восьми милях к юго-западу от Сиэтла, по пути к далекому побережью штата Вашингтон. В Сиэтле часто идут дожди, но в Абердине их еще больше – до семи футов в год, из-за чего над городом постоянно висит тоскливая пелена. Он находится довольно далеко от ближайшего шоссе, туда никто не ездит и редко кто оттуда выезжает.

Искусство и культуру лучше оставить высокомерным типам из Сиэтла – среди «увлекательных занятий», перечисленных в брошюре Торговой палаты округа Грейс-Харбор, есть боулинг, соревнования по работе с бензопилой и игровые автоматы.

Край шоссе № 12, ведущего в Абердин, усыпан бесконечным рядом трейлерных парков; за ними простираются сотни тысяч акров лесных угодий, часто усыпанных обширными щетинистыми шрамами там, где лесорубы вырубали лес подчистую. Посетитель, въезжающий в Абердин с востока, в первую очередь видит уродливый лесозаготовительный склад Вейерхаузера, выходящий к реке Уишка, где безжизненные туши когда-то гордых деревьев лежат штабелями,

словно жертвы резни. Рассматривая вид на другой стороне реки, мы наблюдаем длинную полосу пластиковых киосков фастфуда.

В городе доминируют лесозаготовки, вернее, когда-то доминировали. Бизнес рушится на протяжении уже многих лет, а бесконечные сокращения превращают Абердин в город-призрак. В наши дни улицы в центре города медленно заполняются пустыми или заколоченными витринами. Единственные места, где хорошо идут дела, – это таверны вроде «Серебряного доллара» и метко названного «Пурхауса» (Pourhouse – буквально «место, где наливают»), а также местный ломбард, который переполнен пистолетами, бензопилами и электрогитарами. Уровень самоубийств в графстве Грейс-Харбор – один из самых высоких в стране; алкоголизм свирепствует, и крэк пришел в город уже много лет назад.

Люди ненавидят пятнистых сов – рецепты приготовления исчезающего существа появляются на местных номерах на бамперах – даже несмотря на то, что люди лишаются работы из-за децентрализации лесной промышленности, роста затрат на рабочую силу и растущей автоматизации. На одной из самых больших фабрик в городе раньше работали десятки рабочих, а теперь их всего пять: четыре человека и автоматизированная машина для резки с лазерным наведением.

Одна из самых стремительно растущих отраслей промышленности в округе – это выращивание марихуаны и психоделических грибов. Этим занимаются, чтобы хоть как-то

увеличить скудные или вовсе несуществующие доходы.

Но так было не всегда. Когда-то Абердин был шумным морским портом, где моряки останавливались, чтобы отдохнуть, поесть и снять женщину. Дело в том, что город когда-то был одним большим публичным домом, центром которого была печально известная Хьюм-стрит (которую в пятидесятые годы отцы города переименовали в Стейт-стрит, пытаясь похоронить воспоминания). Позже город стал железнодорожным узлом и домом для десятков лесопилок и лесозаготовительных предприятий. Абердин кишел одинокими молодыми людьми, зарабатывавшими большие деньги на деревообрабатывающей промышленности, а проституция процветала, и в одном месте в центре города насчитывалось до пятидесяти борделей («женских пансионов», как их называли). Проституция процветала до конца пятидесятых годов XX века, но полицейские репрессии наконец положили ей конец. Некоторые говорят, что сомнительное прошлое Абердина вызывает у его жителей комплекс неполноценности.

Именно здесь 20 февраля 1967 года у домохозяйки Венди Кобейн и ее мужа Дональда, механика на станции Chevron, родился Курт Дональд Кобейн. Сначала молодая семья жила в арендованном доме в соседнем городишке Хокиаме, а когда Курту было шесть месяцев, переехала в Абердин.

> Курт вырос, не зная, откуда родом его семья. Его дед по материнской линии – немец, и это все, что ему было известно. Только недавно Курт выснил, что семья

его отца – чистокровные ирландцы и Кобейн – это искажение фамилии Коберн.

Хотя семья Кобейнов была весьма скромного достатка, жизнь их золотоволосого сына начиналась очень хорошо.

– Моя мама всегда была нежна со мной, – говорит Курт. – Мы всегда целовались и обнимались на прощание. Это было действительно круто. Я удивился, когда узнал, что такие отношения в семьях – редкое явление. Это были очень счастливые времена.

Ким, сестра Курта, родилась тремя годами позже, но между Куртом и его матерью уже установилась тесная связь.

– Нет ничего лучше, чем первенец, – говорит Венди, которая снова вышла замуж и все еще живет в доме в Абердине с мужем и дочерью. – Ни один из следующих детей даже близко не похож на первого. Я была совершенно выбита из колеи. Каждое утро я просыпалась только ради него.

Курт определенно был умным ребенком.

– Я помню, как позвонила маме, – вспоминает Венди, – и сказала ей, что меня немного пугает его восприятие. Я никогда не видела ничего подобного у маленьких детей.

Курт начал проявлять интерес к музыке, когда ему было два года. Это было неудивительно, поскольку по линии его матери семья была очень музыкальной – брат Венди Чак играл в рок-н-ролльной группе, ее сестра Мэри играла на гитаре, и каждый в семье обладал каким-либо музыкальным талантом. На Рождество все пели или разыгрывали сценки.

Дядя Венди сменил имя с Делберта Фраденбурга на Дейла Ардена и переехал в Калифорнию, где стал исполнителем оперных баллад и в конце сороковых – начале шестидесятых записал несколько пластинок. Он дружил с актерами Брайаном Китом (позже снимавшимся в ситкоме шестидесятых годов «Семейное дело») и Джеем Силверхилсом, игравшим Тонто в телесериале «Одинокий рейнджер». Так что, как шутит Венди, «в этой семье известность – обычное дело».

Когда Курту было около семи лет, тетя Мэри подарила ему пластинки The Beatles и Monkees. Она приглашала Курта в гости, посмотреть на репетиции своей группы. Мэри, исполнительница кантри, записавшая сингл, много лет играла с группами в барах по всему Абердину, иногда выступала сольно в стейк-хаусе «Ривьера» и однажды даже заняла второе место на местном телевизионном конкурсе талантов под названием «Ты можешь стать звездой».

> Мэри пыталась научить Курта играть на гитаре, но у него не хватало терпения – на самом деле ему было трудно усидеть спокойно на одном месте. У него диагностировали гиперактивность.

Как и многим детям того поколения, Курту давали лекарство риталин, один из видов амфетамина, противодействующий гиперактивности. Из-за него он не мог заснуть до четырех утра. От снотворного он засыпал в школе. Наконец из его рациона попытались убрать сахар и печально извест-

ный «Красный краситель № 2»[17], и это сработало. Гиперактивному ребенку было трудно воздерживаться от сахара, потому что, как говорит Венди, «он вроде как пристрастился к нему».

Но отсутствие сладостей не особо портило настроение Курта.

– Он каждый день вставал, радуясь тому, что у него был впереди еще один день, – рассказывает Венди. – Он был полон энтузиазма. Он выбегал из спальни, радуясь новому дню, и хотел узнать, что произойдет на этот раз.

– Я был очень счастливым ребенком, – говорит Курт. – Я постоянно кричал и пел. Я не умел останавливаться. В итоге дети меня били, потому что одно желание играть уже вызывало у меня восторг. Я очень серьезно относился к игре. Я был просто очень счастлив.

У Курта, первого ребенка в своем поколении, было семь тетушек и дядюшек только по материнской линии, и все они спорили, кто будет нянчиться с ним. Привыкший быть в центре внимания, он развлекал всех, кто хотел за этим понаблюдать. «Он был такой артистичный, – говорит Венди. – Он мог упасть на пол в магазине ради старика, который был бы просто счастлив, если бы Курт спел для него». Одной из люби-

---

[17] Красный 2G (E 128) – краситель синтетического происхождения, который запрещен в большинстве стран мира. Ранее вещество входило в список разрешенных добавок и активно использовалось в пищевой промышленности. Позже ученые выяснили, что добавка негативно влияет на нервную систему, мозговую деятельность и память.

мых пластинок Курта была *Alice's Restaurant Massacree*[18] Арло Гатри. Он часто пел *The Motorcycle Song* Гатри.

Я не хочу огурчик
Я просто хочу покататься на своем мотоцикле
И я не хочу умирать!

Тетя Мэри подарила Курту басовый барабан, когда ему было семь. Он надевал его и ходил по округе в охотничьей шляпе и теннисных туфлях своего отца, стуча в барабан и распевая песни The Beatles, например *Hey Jude* и *Revolution*.

Курту не нравилось, когда мужчины смотрели на Венди, очень привлекательную женщину со светлыми волосами и красивыми голубыми глазами. Казалось, что Дон никогда не обращал на это внимания, но Курт всегда злился и ревновал. «Мамочка, этот мужчина смотрит на тебя!» – говорил он. Однажды он даже отчитал полицейского.

Уже в три года Курт не слишком любил полицейских. Когда он замечал полицейского, то начинал петь короткую песенку: «Язву копам, язву копам! Копы уже едут! Они тебя убьют!»

– Каждый раз, когда я видел копов, я начинал петь им эту песню, показывал на них пальцем и говорил, что они злые, – говорит Курт, ухмыляясь. – У меня был такой огромный пунктик насчет копов. Они мне совсем не нравились.

---

[18] Alice's Restaurant Massacree или Alice's Restaurant – сатирическая песня в стиле разговорного блюза длиной около 18 минут.

Став на пару лет старше, Курт насыпал гальку в бутылки от 7-Up и бросал их в полицейские машины, но так ни разу и не попал.

Примерно в это же время Курт каким-то образом научился вытягивать средний палец в освященной временем манере. Когда его мать ездила по городу с поручениями, он сидел на заднем сиденье машины и показывал палец всем, кто проходил мимо.

К тому времени, когда Курт перешел во второй класс, все уже заметили, как хорошо он рисует.

– Спустя время, – говорит Венди, – для него это стало комом в горле. Ему дарили только кисти или мольберты. Мы практически убили в нем страсть к рисованию.

Все считали, что рисунки и картины Курта прекрасны. Все, кроме него самого.

– Ему никогда не нравились его работы, – говорит Венди. – Он никогда не был доволен ими, как другие художники.

Однажды на Хэллоуин Курт вернулся домой с экземпляром школьной газеты. В ней был рисунок Курта – честь, обычно предназначавшаяся по меньшей мере для пятиклассников. Когда Курт вернулся домой, он был зол из-за этого, потому что и подумать не мог, что его картина настолько уж хороша.

– Его отношение к взрослым изменилось из-за этого, – говорит Венди. – Все говорили ему, как им нравятся его работы, а сам он никогда не был доволен ими.

До третьего класса Курт мечтал стать рок-звездой – он ставил пластинки «Битлз» и играл на маленькой пластмассовой гитаре. Затем в течение долгого времени ему хотелось быть каскадером.

– Я любил играть на улице, ловить змей, прыгать на велосипеде с крыши, – вспоминает Курт. – Ивел Книвел был моим единственным кумиром.

Однажды он вынес из дома все постельные принадлежности и подушки, положил на веранду и прыгнул на них с крыши; в другой раз он взял кусок металла, приклеил его скотчем к груди, положил на него охапку петард и поджег.

Иногда Курт навещал дядю Чака, брата Венди, который играл в группе. Чак соорудил для своей студии в подвале колонки, настолько большие, что не мог вынести их из комнаты. Он разрешал Курту спуститься вниз, давал ему микрофон и запускал ленту. У Венди до сих пор есть кассета, которую Чак записал, когда Курту было около четырех лет. Курт поет, а если ему кажется, что его никто не слушает, то начинает ругаться.

– Какашка, – говорит он. – КА-КА-ШКА!

Дон и Венди подарили Курту маленькую барабанную установку с Микки Маусом.

– Я подталкивала его к барабанам, потому что в детстве сама хотела быть барабанщицей, – признается Венди. – Но моя мать считала это не женским делом и никогда не позволяла мне играть.

Курта не нужно было подталкивать – как только он научился сидеть и держать что-то в руках, то начал стучать по кастрюлям и сковородкам. Каждый день после школы он лупил свою барабанную установку с Микки Маусом, до тех пор, пока она не сломалась.

Кобейны жили не в самом лучшем районе Абердина, он был довольно запущен, а их дом всегда был самым красивым в квартале. Дон поддерживал его в идеальном состоянии: застелил коврами от стены до стены, сделал камин из искусственного кирпича и панели из искусственного дерева.

– Это белый мусор, выдававший себя за средний класс, – говорит Курт о своем происхождении.

> Венди была из небогатой семьи, но ее мать всегда заботилась о том, чтобы дети выглядели так, будто у них есть гораздо больше, чем было на самом деле. Венди была такой же. Каждое утро она старательно расчесывала Курту волосы, чтобы он выглядел как Шон Кэссиди[19], и следила, чтобы он почистил зубы, затем одевала его в самую красивую одежду, которую они могли себе позволить, и он тащился в школу в походных ботинках «ваффлстомпер». Она даже заставляла Курта надевать свитер, на который у него была аллергия, просто потому что он хорошо в нем выглядел.

– Наверное, оба моих ребенка были одеты лучше всех в

---

[19] Банши (*англ*. Banshee), настоящее имя Шон Кэссиди (англ. *Sean Cassidy*) – вымышленный персонаж, супергерой комиксов компании Marvel Comics, один из членов команды Люди Икс.

Абердине, – говорит Венди. – Я заботилась об этом.

Венди старалась держать своих детей подальше от того, кого называла «друзьями из определенных слоев общества, которые жили в определенных условиях». Курт говорит, что она велела ему держаться подальше от бедных детей.

– Моя мама думала, что я лучше, чем они, поэтому время от времени я дразнил их – таких неопрятных, грязных, – говорит Курт. – Я просто помню, что там была пара детей, от которых постоянно воняло мочой, и я их запугивал и дрался с ними. К четвертому классу я понял, что эти дети, судя по всему, круче, чем дети из более высоких слоев, они более приземленные, более простые.

Позже немытые волосы Курта, его щетина и потрепанный гардероб станут его всемирно известным клеймом.

Курт начал брать уроки игры на барабанах в третьем классе.

– Сколько себя помню, с самого детства, – говорит Курт, – я мечтал стать Ринго Старром. Ну или Джоном Ленноном, играющим на барабанах.

В начальной школе Курт играл в школьном оркестре, хотя так и не научился читать ноты – он просто ждал, пока ребенок на первом стуле выучит песню, а потом повторял за ним.

К Рождеству 1974 года, когда Курту было семь лет, он понял, что мама считает его трудным ребенком.

– Единственное, чего я действительно хотел в тот год, –

это пистолет Старски и Хатча[20] за пять долларов, – говорит Курт. – Вместо этого я получил кусок угля.

Курт говорит, что он был амбидекстром, владел обеими руками одинаково, но отец пытался заставить его больше пользоваться правой рукой, опасаясь, что у Курта будут проблемы в будущем, если он станет левшой. Но он все равно стал левшой.

Большую часть своей жизни Курт страдал той или иной проблемой со здоровьем. Помимо гиперактивности, он всегда страдал хроническим бронхитом. В восьмом классе у Курта диагностировали легкий сколиоз, искривление позвоночника. Время шло, и его тяжелая гитара действительно усугубляла ситуацию. Курт говорит, что, если бы он был правшой, это решило бы проблему.

В 1975 году, когда Курту было восемь лет, его родители развелись. Венди говорит, что развелась с Доном, потому что его просто не было рядом – он постоянно играл в баскетбол или бейсбол, тренировал или судил команды. Оглядываясь назад, она задается вопросом, любила ли она его когда-нибудь по-настоящему. Дон яростно возражал против развода. Позже Дон и Венди признают, что использовали детей в сво-

---

[20] «Старски и Хатч» (*англ. Starsky and Hutch*) – американский телесериал, который транслировался на канале ABC с 30 апреля 1975 по 15 мая 1979 года. В центре сюжета – двое полицейских из Южной Калифорнии: несмотря на непохожесть друг на друга они вместе раскрывали убийства. Продюсером сериала выступил Аарон Спеллинг, который при разработке шоу ориентировался на привлечение более молодой аудитории, нежели полицейские сериалы тех лет.

ей войне друг с другом.

– Это разрушило его жизнь, – говорит Венди. – Он совершенно изменился. Мне кажется, он стыдился этого. И он стал очень замкнутым – просто держал все в себе. Он стал очень застенчивым.

– Я думаю, что он страдает до сих пор, – добавляет она.

Вместо солнечного, общительного ребенка, каким Курт был когда-то, «он стал очень замкнутым, – говорит Венди, – немного сумасшедшим и всегда хмурым и нелепым».

На стене в своей спальне Курт написал: «Я ненавижу маму, я ненавижу папу, папа ненавидит маму, мама ненавидит папу, и от этого становится грустно». В нескольких футах над этой надписью он нарисовал карикатуры на Венди и Дона со словами «Папа отстой» и «Мама отстой». Внизу он нарисовал мозг с большим вопросительным знаком. Эти рисунки сохранились и по сей день, вместе с некоторыми изящными логотипами Led Zeppelin и Iron Maiden, которые он нарисовал (хотя Курт отрицает, что это его рук дело, но ведь сестры не лгут).

Курт был похож на остальных детей своего поколения – фактически, все, кто когда-либо играл в Nirvana (кроме одного), были из разрушенных семей. В середине семидесятых число разводов резко возросло и за десять лет выросло более чем вдвое. Детям этих распавшихся браков не приходилось бороться ни с мировой войной, ни с депрессией. У них просто не было

семьи. Следовательно, их сражения были личными.

Курт говорит, что в нем как будто погас свет, который с тех пор он пытается вернуть.

– Помню, как в один момент я просто перестал быть прежним человеком, чувствуя, что больше не достоин этого, – говорит он. – Я чувствовал, что не заслуживаю права тусоваться с другими детьми, потому что у них были родители, а у меня их больше не было. Я злился на своих родителей, потому что они не могут справиться со своими проблемами, – продолжает он. – Большую часть своего детства, после развода родителей, я стыдился их.

Но Курт начал чувствовать себя лишним еще до развода.

– В целом у меня не было ничего общего с отцом, – говорит Курт. – Он хотел, чтобы я занимался спортом, а я не любил спорт, я был художником, а он не ценил этого, поэтому я всегда испытывал чувство стыда. Я просто не мог понять, как можно было вырасти таким, ведь мои родители не были художниками. Мне нравилась музыка. В глубине души, мне казалось, что меня усыновили, – еще с того самого эпизода «Семьи Партридж»[21], когда Дэнни думал, что он приемный. Это все действительно было для меня чем-то близким.

Творческие способности и интеллект Курта, а также раннее осознание того, что он художник, усугубляли проблему.

---

[21] «Семьи Партридж» – американский телевизионный музыкальный ситком, который транслировался на ABC четыре сезона с 25 сентября 1970 по 23 марта 1974 года.

– Пока мне не исполнилось десять или одиннадцать лет, я не осознавал того, что чем-то отличаюсь от других детей в школе, – говорит он. – Я начал понимать, что меня больше, чем других детей, интересует рисование и музыка. Все это потихоньку росло во мне, и я начал это осознавать. Так что к тому времени, когда мне исполнилось двенадцать, я полностью замкнулся.

Убежденный, что никогда не найдет себе подобных, он даже перестал пытаться завести друзей.

– Этот город… если бы Курт был где-нибудь в другом месте, он чувствовал бы себя лучше, – говорит Венди. – Но этот город в точности похож на Пейтон-Плейс[22]. Все смотрят друг на друга и осуждают, и у всех есть свои маленькие щели, где они предпочитают оставаться. А он таким не был.

После развода Курт прожил с матерью год. Но ему не нравился ее новый бойфренд, которого он называл «подлым огромным женоедом». Сначала Венди объясняла неприязнь Курта к ее приятелю простой ревностью. Пять лет спустя она поняла, что ее новый молодой человек и вправду «немного чокнутый» – параноидальный шизофреник. Курт был крайне несчастен и вымещал свой гнев на всех, начиная с Венди и заканчивая своими нянями, которых он обычно даже не пускал в дом. Венди больше не могла с ним справляться, по-

[22] «Пейтон-Плейс» (*англ. Peyton Place*) – длительная американская прайм-тайм мыльная опера, которая транслировалась на телеканале ABC с 15 сентября 1964 по 2 июня 1969 года. «Пейтон-Плейс» был основан на одноименном романе Грейс Металиус 1956 года и в центре истории находились жители города.

этому отправила его жить с Доном в трейлер в Монтесано, еще более маленьком лесозаготовительном поселке примерно в двадцати милях к востоку от Абердина.

Дом Дона не был домом на колесах, он был блочным, который секциями буксируется на стоянку трейлеров с помощью тягача.

– Он не был одним из тех роскошных сдвоенных трейлеров, в которых жили *богатые* белые отбросы, – говорит Курт.

Поначалу это было здорово. Дон купил Курту мини-байк, и по выходным они вместе ходили на пляж или в походы.

– У него было все, – говорит Дон. – Он добился этого. Весь дом был в его распоряжении, у него был мотоцикл, он мог делать все, что ему вздумается, и мы постоянно чем-то занимались. Но потом появляются новая мама и двое других детей…

Однажды Дон невзначай сказал Курту, что никогда больше не женится. Но вскоре, в феврале 1978 года, он все-таки женился. Его новая жена привезла с собой двух детей, и все они переехали в хороший дом в Монтесано. Курт не ладил с новой семьей, особенно с мачехой.

– И по сей день я не знаю более лживого человека, чем она, – говорит Курт.

– Она одна из самых милых людей, – протестует Дон. – Обращалась с Куртом идеально, пробовала разные подходы, нашла ему работу и пыталась со всем справляться, но это

только портило их отношения, в частности, из-за его поведения.

Курт прогуливал школу и отказывался заниматься домашними делами. Дон говорит, что он даже не пришел на работу по уборке столов, на которую его устроил отец. Курт начал задирать младшего сводного брата и не особо любил сводную сестру – хотя она и была на четыре года младше Курта, ей поручили присматривать за ним, когда родители уходили. Потом он заметил, что отец начал покупать много игрушек для его сводной сестры и брата. Пока он прятался в своей комнате в подвале, они ходили в торговый центр и возвращались с игрушечной лошадью или грузовиком «Тонка».

– Я старался сделать все, чтобы он чувствовал себя желанным, чтобы он был частью семьи и все такое, – говорит Дон, который утверждает, что получил юридическую опеку над Куртом только для того, чтобы тот чувствовал себя частью семьи. – Но на самом деле он просто не хотел жить с ними, он хотел быть со своей мамой, а она не хотела этого. И в итоге она – хорошая девочка, а я – плохой парень. Но, скорее всего, дело не только в этом. Временами я бываю эмоционален, а временами – наоборот, и я просто не знаю, как выражать чувства, – признает Дон. – Иногда от моего умничанья страдают чужие чувства. Я не пытаюсь обидеть других, но делаю это неосознанно.

Возможно, что-то подобное было и с Куртом.

– Возможно, – говорит Дон. – Скорее всего, так и было.

Странно, но похоже, что Дон совершенно ничего не помнит о жизни вместе с Куртом. Хотя сейчас он выглядит милым и простым человеком, но напряжение из-за развода могло показать его темную сторону.

– Был ли я грубым? – говорит он. – Ну, моя жена говорит, что это так. Возможно, я сначала делаю, а потом думаю. И раню чувства людей. Проходит время, и я забываю об этом, а вот другие – нет. Да, мой отец порол меня ремнем, мог подбить мне глаз, и тому подобное, но я не помню, порол ли я своего сына.

– Все, что Курт делал, полностью отражало Дона, – говорит Венди. – Если он проигрывал в бейсболе, то мог настолько разозлиться, что начинал унижать Курта. Дон не позволял ему быть ребенком. Он хотел, чтобы сын был маленьким взрослым, идеально себя вел и никогда не делал ничего плохого. Он мог бить Курта по рукам и обзывать его придурком. Он мгновенно выходил из себя. Мама вспоминает, что как-то раз он буквально швырнул Курта через всю комнату, когда тому было около шести лет.

Дон говорит, что не помнит ничего подобного.

– Это называется «отрицание», – отвечает Венди.

После развода Дон начал работать контролером в Mayer Brothers, лесозаготовительной компании.

– В основном, – говорит Курт, – он посто ходил туда-сюда и считал бревна.

Курт продолжает:

– Его представление о «дне отца и сына» заключалось в том, что он брал меня на работу по субботам и воскресеньям. Я сидел в его кабинете, пока он считал бревна. Действительно потрясающие выходные.

> В кабинете отца Курт рисовал и занимался телефонным хулиганством. Иногда он выходил в цех и залезал на стопки досок два на четыре. После этого веселья он мог забраться в микроавтобус отца и на повторе слушать восьмую песню альбома Queen News of the World. Иногда он слушал ее настолько долго, что аккумулятор машины садился, и им приходилось искать кого-то, чтобы им помогли запустить двигатель.

Дон крутился в кругу качков в старшей школе, но сам в спорте не преуспел, возможно, из-за того, что был слишком мелким для своего возраста. Дон ожидал от Курта большего, но тот не оправдывал его ожидаий. Некоторые считают, что Дон тянул его в спорт именно по этой причине.

Дон заставил Курта вступить в школьную команду по борьбе. Курт ненавидел жесткие тренировки и, что еще хуже, ненавидел общаться со спортсменами.

– Я ненавидел это, – говорит Курт. – Я просто, на хрен, терпеть этого не мог.

Он приходил домой вечером после тренировок, «а там была эта отвратительная, высушенная еда, которую мачеха готовила с любовью и старанием и которая стояла в теплой духовке еще с обеда, так что к вечеру все просто засыхало и

было отвратительным на вкус. Она ужасно готовила».

Тем не менее Курт говорит, что делал успехи в борьбе, в частности из-за того, что на матах он мог выплеснуть свой гнев. Но в день большого чемпионата Курт решил отыграться на отце. Он и его соперник вышли на ринг и встали в позицию, а Дон сидел на трибуне, наблюдал за сыном.

– Я стоял, упершись руками в колени, смотрел на отца и улыбался, ожидая свистка, – рассказывает Курт, – глядя прямо ему в глаза, а затем я просто сдался – сложил руки и позволил тому парню меня уложить. Видели бы вы его лицо. Он просто вышел из зала прямо посреди матча, потому что я сдался четыре раза подряд.

Этого эпизода Дон тоже не помнит, но Курт говорит, что это привело к тому, что ему пришлось съехать от отца и жить с дядей и тетей.

Однажды Дон взял Курта на охоту, но, как только они вошли в лес, Курт отказался идти с группой охотников. Он провел весь день в грузовике.

– Сейчас, когда я это вспоминаю, – говорит Курт, – я знаю, что уже тогда чувствовал, что убивать животных плохо, особенно ради забавы. Но тогда я этого еще не понимал. Я лишь знал, что не хочу быть там.

В это же время Курт начал открывать для себя новые направления рок-музыки, помимо The Beatles и Monkees. После того, как кто-то посоветовал Дону вступить в клуб звукозаписи «Columbia House», он стал собирать внушитель-

ную коллекцию записей. Каждый месяц по почте приходили пластинки таких групп, как Aerosmith, Led Zeppelin, Black Sabbath и Kiss. Дон так и не решился открыть их, но Курт добрался до них уже через несколько месяцев.

Курт начал общаться с парнями, носившими украшения из ракушек, растрепанные волосы и футболки с Kiss.

– Они были гораздо старше меня – учились в старших классах, – говорит Курт. – Они курили травку, и я считал их намного круче своих друзей-заучек из четвертого класса, смотрящих «Счастливые дни»[23] по телевизору. Я пускал их в дом и разрешал есть мою еду, ради того чтобы подружиться с ними.

Эти травокуры заметили потрясающую коллекцию пластинок Дона и убедили Курта включить их.

– И они пристрастили меня к этой музыке, – вспоминает Курт. – Я начал превращаться в такого же укурыша, как и они.

– Он никогда, даже в детстве, не приходил и не делился тем, что его беспокоит и чего ему хочется, – говорит Дон. – Он, как и я, придерживался принципа – молчи, и все само пройдет. И не объясняй. Держи все в себе, и однажды оно выйдет наружу.

---

[23] «Счастливые дни» (*англ. Happy Days*) – популярный американский комедийный телесериал, выходивший на телеканале ABC с 15 января 1974 по 24 сентября 1984 года. За это время было снято 11 сезонов, включающих в себя 255 эпизодов. Сериал был создан Гарри Маршаллом, и представлял собой идеализированный взгляд на жизнь Америки с середины 1950-х до середины 1960-х годов.

– Он женился, и после этого я оказался на последнем месте в списке того, что было важно для него, – говорит Курт. – Он просто сдался, поскольку был убежден, что мама промыла мне мозги. Жалкое зрелище, не так ли? Не думаю, что мой отец и вправду такой придурок, – продолжает Курт. – Он и близко не похож на многих отцов, которых я видел.

Так в чем же была причина конфликта Курта с отцом?

– Я даже не знаю, – признается Курт. – Мне хотелось бы иметь побольше воспоминаний. Я никогда не чувствовал, что у меня есть отец. У меня не было того отца, с которым я мог бы чем-то поделиться.

Дону тоже не удалось поладить с сыном, и Курт начал скитаться по семье. Он жил у трех дядей и тетей, а также с бабушкой и дедушкой со стороны отца. Он переезжал из Монтесано в Абердин по меньшей мере дважды в год, заодно меняя и школу.

Венди понимала, что должна вернуть Курта домой, но ей приходилось разбираться с собственными травмами – она наконец избавилась от параноидального шизофреника, физически и морально издевавшегося над ней до такой степени, что однажды даже пришлось вызвать скорую помощь. К тому же она потеряла работу и попросила своего брата Чака, музыканта, позаботиться о Курте.

На четырнадцатый день рождения Чак спросил у Курта, что ему подарить, мотоцикл или гитару. Курт выбрал гитару – подержанную электрогитару,

на которой практически невозможно было играть, и побитый маленький десятиваттный усилитель.

– Вряд ли это была Harmony, – говорит Курт о гитаре. – Скорее это была Sears.

Он забросил барабаны и около недели занимался на гитаре – этого было достаточно, чтобы выучить песню AC/DC Back in Black.

– Аккорды очень похожи на Louie, Louie[24], – говорит Курт, – и это все, что вам нужно знать.

После этого он начал писать собственные песни. Его преподаватель гитары, Уоррен Мэйсон (игравший в группе вместе с Чаком), вспоминает Курта как «тихого и очень милого ребенка». Мэйсон говорит, что Курт очень хотел научиться играть Stairway to Heaven, хотя сам Курт это отрицает.

Абердин пугал Курта. В отличие от Монтесано, он был похож на большой город.

– Я думал, что эти дети принадлежат к более высокому классу, и я недостоин находиться рядом с ними, – говорит он.

---

[24] Louie, Louie – песня Ричарда Берри, написанная им в 1955 году и выпущенная в апреле 1957 года на стороне «Б» сингла «Rock Rock Rock». Песня, написанная и исполненная в стиле ямайской баллады, в простой куплетной форме, от первого лица рассказывает историю о ямайском моряке, который возвращается на остров к своей возлюбленной. Наибольшую популярность песня получила в исполнении группы The Kingsmen, издавшая свою версию в 1963 году, которая стала стандартом в поп- и рок-музыке и объектом расследования ФБР на тему мнимых непристойностей в тексте, закончившееся без выдвинутых обвинений.

В классе он читал книги С. Э. Хинтон, такие как «Бойцовые рыбки» и «Изгои», и старался ни с кем не разговаривать. В тот год он ни с кем не подружился. Вместо этого он каждый день приходил домой и играл на гитаре до позднего вечера. Он уже умел играть Back in Black и к тому же выучил еще несколько песен – My Best Friend's Girl группы Cars, Louie, Louie и Another one Bites the Dust Queen.

В начале 1980 года, когда Курту было двенадцать, они с другом Бренданом увидели выступление группы B-52[25] на шоу Saturday Night Live. Это увлекло их, и Брендан уговорил родителей купить ему кеды в шахматную клетку. Отец Курта не мог этого себе позволить, и Курт просто нарисовал клетку на своих кроссовках.

Летом перед десятым классом Курт начал подражать группе Sex Pistols, которую увидел в журнале Creem. К несчастью, в музыкальном магазине Абердина не было пластинок с панк-роком, так что Курт даже не знал, как он звучит. Уединившись в комнате, Курт играл то, как представлял себе его звучание, «три аккорда и много криков», говорил он. И, как оказалось, это было близко к истине.

---

[25] B-52 – американская рок-группа новой волны, основанная в 1976 в городе Атенс Фредом Шнейдером, Кейт Пирсон, Китом Стриклендом, Синди Уилсон и Рики Уилсоном. Группа сравнительно быстро получила известность благодаря необычному стилю, в котором соединились панк-рок, фанк, диско, китчевая образность и абсурдный юмор в текстах, а кроме того оригинальный ретроимидж. Дебютный альбом The B-52's, в свое время ознаменовавший возрождение американской новой волны, которая к 1979 году стала утрачивать силу, сейчас считается культовой классикой.

Несколько лет спустя он наконец достал запись «панка», огромный, эклектичный трехдисковый альбом Clash Sandinista, и был разочарован тем, что звучание было не таким, как он себе представлял.

Курт описывает свою раннюю музыку как «неряшливый рифф-рок».

– Это было похоже на Led Zeppelin, только очень грубо, и я старался сделать все как можно более агрессивным, – говорит он. – Я думал: «Каким может быть панк-рок? Что это? Насколько он отвратителен?» И я пытался играть так плохо, как только мог. Включал маленький десятиваттный усилитель на максимальную громкость. Я просто понятия не имел, что делаю.

– Это был хороший способ спустить пар, – продолжает Курт. – Я считал это своей работой, своей миссией. Я знал, что мне нужно практиковаться. Как только у меня появилась гитара, я стал одержим ею. Я всегда знал, что делаю что-то особенное. Я знал, что становлюсь лучше, хотя и не мог доказать этого. Я понимал, что мне есть что предложить публике, и позже я осознал, что у меня должна быть возможность показать, что я могу писать хорошие песни – что я могу внести свой музыкальный вклад в рок-н-ролл.

Курт отчаянно пытался сделать следующий шаг и создать собственную группу.

– Я хотел посмотреть, как это – написать песню и увидеть, как она звучит со всеми инструментами. Я хотел только это-

го. Просто попробовать в конце концов. Вот чего я хотел.

Группу он смог собрать только через четыре года, но не из-за того, что не прилагал усилий.

> В школе Курт познакомился с двумя подростками – Скоттом и Энди, которые играли на басу и гитаре и джемовали в заброшенном холодильном помещении в лесу. Курт однажды пошел туда, поиграл с ними один день, и было решено создать группу. Курт согласился оставить там гитару, ведь они должны были репетировать каждый день.

Но Скотт и Энди забросили репетиции, и дни ожидания превратились в недели, а недели – в месяцы. Курт не мог забрать инструмент, поскольку у него не было машины, а мама не могла его отвезти. Он освоил праворукую гитару, принадлежавшую мальчику, жившему в доме Кобейнов, мать которого умерла.

– Он был одним из тех тупых укурков, – вспоминает Курт. – Мне он нравился, потому что был по-настоящему депрессивным.

Позже Курт попросил друга отвезти его в лес за гитарой и нашел ее рассыпавшейся на куски – остался один гриф и куча электронных потрохов. Курт скрупулезно вырезал новый корпус в мастерской, но понял только, что не знает пропорций, необходимых для звучания.

– Когда мне было лет семь, я думал, что непременно стану рок-звездой, – говорит Курт. – Я не видел в этом ниче-

го сложного, потому что был настолько гиперактивным, что думал, будто весь мир в моих руках и я могу сделать абсолютно все. Я знал, что, если захочу, могу стать даже президентом, но это было глупо – лучше я стану рок-звездой. Я в этом даже не сомневался. Я очень любил The Beatles и не понимал, в каком окружении живу, что происходит вокруг и с каким отчуждением я столкнусь, когда стану подростком.

Курт продолжает:

– Я считал Абердин посредственным городом, ничем не отличающимся от любого другого в Америке. Я думал, что все они одинаковы – всюду мир и насилия намного меньше, чем было на самом деле, и что все будет просто. Я считал, что США размером примерно с мой задний двор, и все эти города можно запросто объехать, играя в рок-группе, попасть на обложки журналов и все такое.

Но когда к девяти годам у меня появились эти маниакально-депрессивные признаки, я начал смотреть на вещи по-другому. Это казалось мне нереальным.

В десятом классе Курт забросил все мечты о славе.

– В то время я стал очень застенчивым. Я оценивал себя настолько низко, что даже не думал о том, чтобы действительно стать рок-звездой, не говоря уже о том, чтобы вести себя так, как это делают звезды. Я не мог представить себя на телевидении или на интервью. Такие вещи в то время даже не приходили мне в голову.

Отец Курта заставил его вступить в бейсбольную команду

лиги Бейба Рута. В основном Курт грел скамейку, и, если даже выходил на поле, то намеренно промахивался, чтобы не играть. На скамейке он сидел с парнем по имени Мэтт Лукин, и они говорили о Kiss и Cheap Trick. Ребята уже встречались раньше в Монтесано на занятиях по электронике, и Мэтт запомнил Курта как «маленького бунтаря с грязными волосами».

Лукин играл на бас-гитаре в местной группе под названием The Melvins, репетицию которой Курт видел однажды летним вечером перед началом девятого класса. Друг Курта Брендан знал кое-кого, кто был знаком с барабанщиком The Melvins, и они добыли приглашение на репетицию, которая проходила на чердаке чьего-то дома. The Melvins тогда еще не были панками и играли каверы Хендрикса и The Who.

Тогда Курт впервые лично увидел рок-группу и был в абсолютном восторге.

– Я всю ночь пил вино, по-настоящему напился и был очень надоедлив. Я помню, что похвалил их, наверное, миллион раз, – вспоминает Курт. – Я был в восторге от того, что мои ровесники играют в настоящей группе. Это было круто. Я думал: «Ух ты, им так повезло».

Недовольные поведением маленького назойливого нахала, The Melvins выставили его. Спускаясь пьяным с чердака, он упал с лестницы.

В том году в художественном классе старшей школы Монтесано Курт снова встретил лидера The Melvins Базза Осбор-

на, коренастого подростка с диким взглядом, на пару лет старше Курта. В то время Осборн был фанатом The Who, но вскоре переключился на панк-рок. У него был альбом с фотографиями Sex Pistols, который он на время дал Курту, и тот прикипел к нему. Впервые Курт увидел панк-рок не только на нескольких разворотах Creem.

– Это были Sex Pistols со всей своей необузданностью, – говорит Курт, – и я собирался прочитать о них все и даже больше. Это было действительно круто.

> Вскоре он уже рисовал лого Sex Pistols на партах в классе и на своих папках для бумаг. Затем Курт начал всем говорить, что соберет панк-рок-группу и она станет очень популярной, хотя все еще понятия не имел, как на самом деле звучит панк-рок.

– Он казался мне фриком, – говорит Курт об Осборне. – Кем-то, с кем я действительно хотел бы общаться.

Курт завидовал Осборну, поскольку у того уже была группа, иногда игравшая в Сиэтле и Олимпии.

– Это было все, чего мне так хотелось в то время, – рассказывает Курт. – От своей музыки я не ожидал многого. Я просто хотел получить возможность выступить перед людьми в Сиэтле. Мысль о том, чтобы играть в достаточно успешной группе и ездить в туры, в то время была для меня чем-то из ряда вон выходящим.

В состав The Melvins изначально входил барабанщик Майк Диллард, которого позже заменил Дейл Кровер. В сво-

ей первой панк-фазе они играли хардкор «быстрее скорости света». Затем, когда то же самое начали делать и все остальные музыкальные группы, The Melvins играли так медленно, как только могли, просто для того чтобы всех позлить. И чтобы разозлить их по-настоящему, они добавили в звучание хэви-метал. Издав основополагающий альбом 1987 года Gluey Porch Treatments, The Melvins стали одними из отцов-основателей того, что в конечном итоге стало известно как «гранж» – новая, мутантная форма панк-рока, которая впитала тяжелый метал, а также пролетарские хард-рок-группы семидесятых, такие как Kiss и Aerosmith. Их звук произвел революцию на музыкальной сцене Сиэтла, где ранее доминировали арт-рок-группы.

> The Melvins уже играли в Сиэтле, когда Курт впервые увидел их, и к 1985 году появились в изменчивой коллекции Deep Six наряду с U-Men, Soundgarden, Green River, Malfunkshun и Skin Yard. За исключением арт-рока U-Men, все группы смешивали панк, хард-рок в стиле семидесятых и пролетарский хэви-метал в различных пропорциях в грубый, но эффективный музыкальный гибрид.

Курт иногда помогал The Melvins возить в Сиэтл оборудование для концертов. У Абердина не было большой музыкальной истории – хотя половина состава платиновых спид-металлистов Metal Church была родом именно оттуда – и группа, выступавшая в Сиэтле, была большой сенсацией.

Курт был очень недоволен тем, что ему приходилось переезжать от одного родственника к другому. В мае 1984 года Венди вышла замуж за портового грузчика Пэта О'Коннора. Пэт тогда сильно пил, и у Венди было полно хлопот – она боялась, что не сможет справиться еще и с Куртом, но он в конце концов убедил ее взять к себе.

– Мне понадобилось на протяжении нескольких месяцев плакать в телефонную трубку каждый вечер, чтобы уговорить мать позволить мне жить с ней, – говорит Курт.

Однажды вечером Пэт ушел и вернулся только в семь утра, пьяный и, как выразилась Венди, «воняющий девкой». Она была в ярости, но все равно пошла на работу в универмаг. Пара горожан пришла в магазин просто чтобы подразнить ее.

– Эй, а где был Пэт вчера вечером? – хихикали они. Венди так разозлилась, что пошла куда-то и напилась с подругой, а потом вернулась домой и набросилась на Пэта. На глазах у обоих детей она выхватила из шкафа один из его многочисленных пистолетов и пригрозила застрелить его, но никак не могла сообразить, как его зарядить. Затем она вытащила все его оружие – дробовики, пистолеты, винтовки, старинные ружья – и потащила их вниз по переулку. Ким тащила вслед за ней большую сумку с патронами. Они бросили все это в реку Уишка.

Курт наблюдал за ними из окна своей комнаты. Позже в тот же день он заплатил двум ребятам, чтобы они выловили

из реки как можно больше ружей, а потом продал их. На вырученные деньги Курт купил свой первый усилитель. Затем он отвез парня, который продал ему усилитель, к своему дилеру, и тот спустил все деньги на травку.

Курт играл на гитаре очень громко. Соседи жаловались. Венди стучала в потолок ручкой от метлы. Курту нравилось, когда семья уезжала за покупками или еще куда-нибудь, потому что это означало, что он может оторваться по-полной.

– Мы возвращались домой в надежде, что у нас не вылетели окна, – говорит Венди. – Курт пытался уговорить друзей поиграть с ним, но ни у кого не было музыкального таланта. В своей критике он был очень властным и прямолинейным. Курт точно знал, чего хочет.

Никто не догадывался о том, что, закрываясь в своей комнате, он еще и пел.

– Однажды, – говорит Венди, – мы с Пэтом услышали, как Курт поет. Он пел очень тихо и не хотел, чтобы мы его слышали. Мы прижались к двери ушами, посмотрели друг на друга, сморщили носы и сказали: «Лучше уж гитара».

Глава II
Мы хотели только поиграть

Примерно тогда Курт впервые заметил в абердинской старшей школе Криста Новоселича.

– Я помню, как подумал, что определенно хотел бы познакомиться с ним, – говорит Курт. – Но мы так и не общались.

Парни учились не вместе – Курт иногда видел Криста на школьных вечерах, где тот изредка участвовал в сценках только для того, чтобы саботировать их, например, неожиданно запеть «Знамя, усыпанное звездами»[26].

– Он был смешным человеком с очевидно необычным чувством юмора, – говорит Курт. – Все смеялись *над* ним, но я смеялся *вместе* с ним, потому что в основном он выставлял дураками других. Он был умным, смешным, громким человеком. Он был выше всех в школе. Он был *большим*. Жаль, что тогда мы так и не подружились, потому что в старшей школе мне действительно нужен был друг.

Курт чувствовал себя изгоем, но даже изгои могут найти других изгоев для совместного провождения времени. Судя по всему, за исключением Абердина.

– Я хотел где-то вписаться, но не с обычными детьми, не с популярными детьми в школе, – говорит Курт. – Я хотел

---

[26] Гимн США.

быть похожим на ботаников, но в Абердине не было даже настоящих ботаников. И это явно не те дети, которые станут слушать Devo. Обычно они попросту были идиотами.

Курт говорит, что в школе было только два парня, с которыми он даже подумывал подружиться. Оба были достаточно круты, чтобы слушать Oingo Boingo, маниакальную группу новой волны из Лос-Анджелеса.

– Но они были такими же задротами – полными идиотами, – говорит Курт. – Они были из тех ребят, которые красят лица на футбольных матчах.

Старшая школа была для Курта подростковой пустошью, состоящей из трех каст: социальных типов, любителей математики и торчков. Девочки из Абердинской средней школы заметили ямочки на щеках Курта и его голубые глаза и решили, что он симпатичный.

– Я им вроде как нравился, – говорит Курт, – но мне не нравилась ни одна из этих девочек – они были глупыми.

> Поскольку Курт нравился девочкам, их бойфренды-спортсмены пытались подружиться с ним, но Курт их отшивал. Курт подумывал о том, чтобы начать общаться с занудами, которые увлекались компьютерами и шахматами, но они не любили музыку. А значит, остались только торчки.

– Я их ненавидел, – говорит Курт, – но они, по крайней мере, увлекались рок-н-роллом.

Итак, Курт надел типичную куртку укурка – джинсовую

куртку с флисовой подкладкой, которая до сих пор пользуется популярностью у испорченной молодежи, – и начал тусоваться в традиционном пристанище торчков, притоне курильщиков. Курт почти ни с кем не разговаривал; он был таким тихим, что иногда его спрашивали, не наркоман ли он.

После возвращения в Абердин Курт потерял связь с The Melvins. Но потом он встретил в притоне своего приятеля-меломана по имени Дейл Кровер. Крист знал Кровера, потому что тот обычно играл с младшим братом Криста Робертом. Когда The Melvins понадобился барабанщик, Крист предложил Кровера, и тот согласился. И поскольку Курт был знаком с Кровером, то снова начал общаться с The Melvins.

The Melvins начали практиковаться в гостевой комнате в доме родителей Кровера. Любое место, где репетировали The Melvins, быстро превращалось в постоянное пристанище для группы абердинских укурков, прозванных «прилипалами», и обиталище Кровера ничем не отличалось. Одевались они в расклешенные джинсы и залатанные куртки-пуловеры с карманами на молнии, чтобы травка была в безопасности.

– Эти парни были самыми классическими мультяшными укурками-металлистами, каких вы можете себе представить, – говорит Курт. – Они были такие смешные – прыщавые, беззубые, провонявшие травой.

Для прилипал пребывание на репетиционной точке The Melvins было едва ли не единственным способом развлечения.

– В Абердине можно было только пить пиво, курить травку и поклоняться Сатане, – шутит Кровер. – Там ничего нет. Мы много смотрели телевизор.

Само место для репетиций было увешано плакатами Kiss, Mötley Crue и Теда Ньюджента, страницами, вырванными из журнала Circus, и фотографиями обнаженных женщин с наклеенными на них разными лицами (похожее изображение однажды появится на футболке Nirvana). Посетители поднимались по лестнице на заднее крыльцо дома, проходили через крошечную комнату, а затем попадали в репетиционный зал. Базз не любил, когда на репетиции было много народу, поэтому прилипалы довольствовались тем, что болтались на заднем крыльце, пока The Melvins репетировали. Ежедневные репетиции группы обычно длились три или более часов, но только потому, что им приходилось прерываться каждые двадцать минут, пока один из членов группы решал какие-то дела с прилипалами.

Курт пробовался на роль участника The Melvins, но из этого ничего не вышло.

– Я все испортил, – говорит Курт. – Я так нервничал, что забыл все песни. Я буквально не мог сыграть ни одной ноты, просто стоял там с гитарой и что-то играл с покрасневшим лицом.

Это было даже к лучшему, потому что Курт уже писал и записывал свой собственный материал. Мэтт Лукин вспоминает кассету, сделанную Куртом из его собственных песен,

там были только гитара и вокал.

– Это были очень классные песни, – вспоминает Лукин, – особенно для тех, кто играл на гитаре в то время, а когда мы были в том возрасте – большинство парней просто хотели играть Judas Priest. Нам показалось странным, что какой-то подросток пишет свои собственные песни и предпочитает играть их, а не Mötley Crue.

А потом Базз Осборн познакомил Курта Кобейна с панк-роком. Осборн сделал несколько сборников, в основном групп из Южной Калифорнии, таких как Black Flag, Flipper и Millions of Dead Cops[27]. Первой песней первого сборника была песня Black Flag Damaged II, тотальная атака абразивных гитар и неуклюжих, но агрессивных барабанов, наполненных злобой циркулярной пилы.

Поврежденный тобой, поврежденный мной,
Я запутался, я запутался,
Не хочу быть запутанным, —

выкрикивал вокалист Генри Роллинс.

Курт был поражен.

– Это было похоже на музыку с другой планеты, – говорит он. – Чтобы принять это, мне потребовалось несколько дней.

Однако к концу недели он уже был сертифицированным, самопровозглашенным панк-рокером. «Я чувствовал, – го-

[27] «Миллионы мертвых копов».

ворит Курт, – что это звучит четче и реалистичнее, чем обычные рок-н-ролльные тексты».

Вскоре после этого, в августе 1984 года, Курт, Лукин, Осборн и остальные приехали в Сиэтл на выступление Black Flag[28] в клубе Mountaineer во время тура Slip It In. Чтобы раздобыть денег на билет, Курт продал за двенадцать долларов свою коллекцию пластинок, которая в то время состояла из альбомов Journey, Foreigner и Pat Benatar.

– Это было действительно здорово, – говорит Курт о концерте. – Это моментально изменило меня. Становление панк-рокером подпитывало мою низкую самооценку, поскольку помогало мне понять, что мне вовсе не нужно становиться рок-звездой – я *не хочу* становиться рок-звездой, – говорит Курт. – Поэтому я боролся с этой тонкой гранью – я всегда был в подвешенном состоянии, не беспокоясь, не желая и не имея возможности, но в то же время мне все-таки этого хотелось. Хотелось показать себя людям. Это немного сбивает с толку. Я так рад, что попал в панк-рок именно в то время, потому что это подарило мне несколько лет, за которые я должен был вырасти и осознать свои ценности в перспективе и понять, что я за человек. Я просто очень рад,

---

[28] Black Flag – хардкор-панк-группа из Калифорнии, США, существовавшая в период с 1976 по 1986 годы. Изначально имела название «Panic». Состав коллектива менялся на протяжении всего творческого пути, единственным постоянным его участником оставался гитарист Грег Гинн. Оказали огромное влияние на современную панк-культуру, являясь основателями нового музыкального направления – хардкор-панка.

что смог найти в себе панк-рок. Он был настоящим даром свыше.

Осборн также показал ему, как разобраться со своим окружением.

– У него было действительно потрясное отношение к среднестатистическому быдлу, – говорит Курт. – И оно меня по-настоящему вдохновило. Принцип был такой: «Задирай их столько, сколько может тебе сойти с рук». Мы ходили на вечеринки спортсменов, преследовали больших мускулистых мужчин и плевали им в спину, писали оскорбления на стенах их домов и доставали яйца из холодильника, чтобы положить их в хозяйскую постель. Мы просто старались нанести максимальный ущерб.

В конце концов Курт познакомился с парнем по имени Джесси Рид, который «был единственным настоящим другом, которого я смог найти в Абердине». Не считая того обаятельного парня по имени Майер Лофтин.

Курт познакомился с Лофтином в художественном кружке, и они поладили, обнаружив, что увлекаются одной и той же музыкой – от AC/DC, Aerosmith и Led Zeppelin до панк-рока. Лофтину Курт «казался обычным парнишкой в синих джинсах и с аккуратной стрижкой». Его действительно удивило, что Курт был музыкантом.

– Он был таким мягким и тихим, – говорит Лофтин. – Очень милым, очень искренним.

И они стали хорошими друзьями.

Поначалу Курт даже не догадывался, что Лофтин – гей. Лофтин проговорился об этом Курту вскоре после того, как они начали общаться.

– Он сказал: «Ну, все в порядке, ты по-прежнему мой друг, я все еще люблю тебя, это не помеха». И мы обнялись.

Лофтин иногда оставался ночевать у Курта, и Венди, «классная мама», позволяла им «веселиться» в доме, если у них до утра не было никаких дел. Однажды Венди пришла домой пьяная и застала их за курением травки. В тщетной попытке отучить Курта от этого, она съела его заначку, получила передозировку и вскоре после этого заболела. В более спокойные вечера они зависали в комнате Курта, и тот учил Лофтина гитарным приемам Led Zeppelin.

Но общаться с другом, имеющим гомосексуальные наклонности, было немного рискованнее, чем ожидал Курт.

– Вскоре, – говорит Курт, – я начал понимать, что люди смотрят на меня еще более странно, чем обычно.

Над ним начали издеваться. Чаще всего это происходило на уроках физкультуры. Когда все переодевались, кто-нибудь обязательно называл Курта педиком и прижимал его к шкафчику.

– Они чувствовали угрозу. Потому что они были голые, а я якобы гей, – говорит Курт. – Так что им нужно было либо прикрыть свои члены, либо ударить меня. Или и то, и другое.

Жизнь в старшей школе стала для Курта еще более слож-

ной. Часто спортсмены преследовали его по дороге из школы домой. Иногда они даже ловили Курта.

– Каждый день после школы, – говорит Курт, – этот парень валил меня в снег и садился мне на голову. После этого я начал даже гордиться тем фактом, что я якобы гей, хотя на самом деле не был им. Это было захватывающе, потому что я практически нашел себя. Я был каким-то особым задротом. Я был не совсем тем панк-рокером, которым хотелось бы стать, но, по крайней мере, это было лучше, чем быть *обычным* задротом.

Но социальное давление в конце концов стало слишком сильным, и однажды Курт, явно расстроенный, подошел к Лофтину и сказал, что больше не может с ним общаться. Он получал слишком много оскорблений за то, что был другом педика. Лофтин все понял, и они перестали дружить.

Курт начал курить травку в девятом классе и накуривался каждый день вплоть до выпускного класса, но тогда он хотя бы ждал наступления ночи.

– Я стал параноиком и даже перестал быть таким невротиком, каким был от природы, и это состояние еще больше усиливала травка, – говорит Курт.

Он плохо учился в школе и в одиннадцатом классе начал пропускать занятия; смена школ из-за переездов была только частью проблемы.

– Основная причина, по которой я вылетал из некоторых классов, заключалась в том, что я сильно ненавидел учите-

лей, – говорит Курт. – Был один парень, религиозный фанатик, апокалиптический расист. Он преподавал гуманитарные науки и занимался только тем, что тратил наше время на внедрение Откровений в историю. Он участвовал в холодной войне середины восьмидесятых – «Русские идут» и был одним из крестоносцев этого рейгановского менталитета. Сукин сын. Каждый день мне хотелось убить его. Я часто представлял себе, как убью его на глазах у всего класса. Потому что остальная часть класса полностью заглотила крючок, леску и грузило. Купилась на этот бред. Я не мог поверить, что так много людей так просто взяли и приняли его.

Курт бунтовал и дома.

– Он не хотел быть частью семьи, но хотел жить в семейном доме, – говорит Венди. – Курт жаловался на все, что я просила его сделать, и это было лишь малой частью проблемы.

Между тем Венди признает, что ее терпение по отношению к Курту иссякло, поскольку помимо этого она еще злилась на Пэта за его пьянство и часто выплескивала свой гнев на детей.

В течение нескольких месяцев Курт встречался с «девушкой-наркоманкой», очень красивой молодой девушкой по имени Джеки. По словам Курта, «она пользовалась мной, до тех пор, пока ее парень не вышел из тюрьмы».

Однажды ночью он тайком протащил Джеки в свою комнату. Курт был взволнован – он вот-вот потеряет девствен-

ность. Они только успели раздеться, как в комнату внезапно ворвалась Венди, включила свет и прошипела: «Убери отсюда эту шлюху!» Курт сбежал к другу и оставался там до тех пор, пока мать друга не позвонила и не сказала: «Венди, мне кажется, что твой сын поселился в моем доме».

Курт бросил курить травку «в попытке наладить свою жизнь». Потом позвонила мачеха Курта и попросила его снова переехать к ним. Дон сразу же сказал, что если Курт останется у них, то ему придется прекратить заниматься музыкой и начать заниматься чем-то более серьезным. Он каким-то образом уговорил Курта заложить гитару, а потом заставил его сдать вступительный экзамен в военно-морской флот. Курт получил очень высокий балл, и восторженный местный вербовщик приходил в дом два вечера подряд. Но на вторую ночь, как раз перед тем, как он уже готов был записаться туда, Курт спустился в свою подвальную комнату, нашел травку, выкурил ее, вернулся наверх и сказал: «Нет, спасибо, я отказываюсь», а затем собрал свои вещи и ушел. Он пробыл в доме отца всего неделю. Курт не увидит его еще восемь лет.

По сей день Дон собирает все журнальные статьи о Курте, которые только удается найти. У него есть большой альбом для журнальных вырезок и шкаф с памятными вещами.

– Все, что я знаю о Курте, – говорит Дон Кобейн, – я прочел в газетах и журналах. Так я с ним и познакомился.

Венди отправила Курта жить к его приятелю Джесси Риду, родители которого были настоящими христианами.

Курт был на мели и предложил продать гитару местному наркодилеру, и даже готов был оставить ее у него дома по доброй воле. Через неделю Курт передумал, но гитара все равно осталась у дилера, и Курт несколько месяцев обходился без нее, пока они с Ридом не забрали гитару обратно.

Курт не был идеальным гостем в доме Ридов.

– Я плохо влиял на Джесси, – говорит Курт. – Я курил травку и не любил ходить в школу.

> Однажды Курт долго разговаривал по телефону, оскорбляя миссис Рид, а затем повесил трубку и понял, что она слышала весь разговор по внутреннему телефону. Последней каплей был случай, когда Курт, запертый в доме, сделал единственную логичную вещь – вышиб дверь.

Курт говорит, что отец Рида пришел в ярость и сказал ему: «Курт, мы очень старались превратить тебя в хорошего гражданина, но это безуспешно. Ты безнадежен. Так что я буду тебе очень признателен, если ты соберешь свои вещи и уйдешь». Миссис Рид объяснила Венди, что «Курт повел Джесси не по той дороге».

Специальная коррекционная программа в школе тоже не сработала. За полгода до выпуска Курт понял, что ему нужно наверстать упущенный материал за целых два года. Мистер Хантер, учитель рисования, записал его на несколько

конкурсов на стипендию в колледже, и Курт выиграл два из них, но все равно решил бросить учебу в мае 1985 года, всего за несколько недель до выпуска.

Курт решил полностью посвятить себя музыке, но Венди казалось, что он зря тратит время.

– Я сказала Курту, что ему лучше жить самостоятельно, – говорит Венди. – Если ты не собираешься заканчивать школу, то тебе лучше найти работу и жить отдельно, потому что ты не можешь больше оставаться здесь и жить за наш счет.

Но Курт продолжал сидеть на шее у матери, и однажды она установила свои правила.

– Я сказала ему: «Если ты не возьмешься за ум, не найдешь работу, то тебе придется отсюда уйти», – говорит Венди. – «Однажды ты придешь домой и найдешь свои вещи в коробке».

И действительно, однажды Курт вернулся домой после репетиции The Melvins и обнаружил, что все его вещи упакованы в картонные коробки, стоящие на полу в столовой.

– Я пробовала принцип «жесткой любви», – говорит Венди. – В то время понятие «жесткая любовь» впервые появилось на свет, и я подумала: «Ну, можно на нем это испробовать».

Используя в качестве депозита часть алиментов от Дона, Курт вместе с Джесси Ридом переехал в квартиру в Абердине, оплачивая аренду деньгами, заработанными в ресторане на одном из курортов на побережье Вашингтона. Он пытал-

ся уговорить Рида играть вместе с ним. Когда ребята познакомились, они все время говорили о гитарах, и отец Рида играл в группе серферов, которая даже выпустила несколько синглов. Когда Рид упомянул, что у него появилась бас-гитара, Курт очень распереживался.

– Однажды вечером мы начали играть вместе, и оказалось, что он один из самых музыкально отсталых людей, которых я когда-либо встречал, – говорит Курт, и в его голосе до сих пор ясно звучит разочарование. – Рид не мог сыграть даже Louie, Louie.

Вскоре Курт получил работу уборщика в Абердинской средней школе, где большую часть времени проводил, соскабливая жвачку с нижних частей парт. Это было последнее место на земле, где он хотел бы быть. Однажды Курт притащил домой образец крема для бритья и украсил им куклу, чтобы она выглядела как нечто из «*Экзорциста*», с зеленой скользкой слизью, свисающей изо рта. Он повесил куклу за шею на окно, выходившее на тротуар, просто для устрашения всякого быдла.

– Моя квартира была оформлена в типичном панк-роковом стиле, с куклами-младенцами, измазанными кровью и подвешенными за шею, – говорит Курт. – Ковер был заляпан пивом, блевотиной и кровью, мусор не выбрасывался месяцами. Я ни разу не мыл посуду. Мы с Джесси готовили примерно на неделю вперед, а потом складывали все наши жирные тарелки из-под гамбургеров в раковину и заливали во-

дой, и они простояли там все пять месяцев, которые я там жил.

> В квартире Курта постоянно были тусовки, и пик веселья неизменно приходился на тотальную войну с использованием кремов для бритья.

Зависая на репетиционной базе The Melvins, Курт подружился с Кристом Новоселичем. Крист упомянул, что играет на гитаре, и они начали тусоваться вместе, слушать музыку, пить и снимать короткометражные фильмы на камеру Криста «Супер-8». Иногда девушка Криста, Шелли, тоже приходила на вечеринку. Они были изгоями и чудаками, но, по крайней мере, вместе.

– У нас было так много общего, – вспоминает Шелли. – Словно мы вместе объединились против всего мира. Было здорово иметь свой собственный круг общения, мы были действительно тесно связаны, и ничто нас не тревожило. Если кто-нибудь что-то вытворял, мы не держали зла, нас попросту это не интересовало, нас больше интересовали другие вещи. Было весело.

Через три месяца Джесси Рид ушел служить на флот.

Как-то Курт сидел на наркоте с приятелем, который приехал к нему в гости на своем мотороллере. Когда друг спустился вниз, чтобы взять что-то со своего скутера, конченый сосед Курта начал избивать его, потому что тот припарковал скутер на его территории.

Курт услышал шум и бросился вниз, а его друг убежал.

Сосед переключился на Курта, и в конце концов затолкал его в квартиру, избивая и унижая в течение двух часов, словно кошка, играющая с мышью.

В конце концов он перестал бить Курта и сел отдохнуть. Затем он оглядел комнату и заметил изуродованных кукол Барби, картины с трехголовыми младенцами, граффити и мусор. На его лице промелькнули страх и замешательство.

– Он начал задавать мне вопросы, – говорит Курт. – Зачем я устроил в квартире все это?

Он снова начал толкать Курта, и Курт кричал до тех пор, пока хозяйка, которая жила этажом выше, не завопила, что собирается вызвать полицию. Хулиган убежал. В конце концов приехала полиция, но они посоветовали Курту не раздражать своего соседа, выдвигая встречные обвинения. Курт отомстил. В течение месяца после этого случая его друзья приходили и колотили по стенам соседей, выкрикивая непристойности и угрозы, в то время как хулиган прятался в своей квартире. Курт говорит, что он оставлял на пороге квартиры соседа маленькие подарки, например, упаковку пива с кислотой или рисунки с изображением соседа, повешенного на дереве. После ухода Рида Курт прожил в квартире еще пару месяцев. Поначалу ему удавалось уговорить хозяйку позволить ему заплатить за квартиру с опозданием, но она начала обращать внимание на состояние квартиры. Друзья Курта исписали все стены на лестнице. Сама квартира была в полном беспорядке.

Курт не мог оплачивать аренду и в конце концов, поздней осенью 1985 года, съехал, задолжав арендную плату за несколько месяцев. Безработный и практически без гроша в кармане, он проводил зиму в библиотеке, читая книги и сочиняя стихи. В конце дня он покупал упаковку пива и приносил ее домой к другу, где они выпивали, и в конце концов Курт падал на диван. В других случаях он спал в картонной коробке на крыльце дома Дейла Кровера, в фургоне Криста и Шелли, или же прокрадывался в дом матери, пока она была на работе, и забирался на чердак, или же ночевал на веранде дома. А иногда он ночевал под Северным Абердинским мостом, который пересекает реку Уишка рядом с домом Венди.

Будучи холостяком, Курт получал талоны на питание на сорок долларов в месяц, но редко покупал на них еду. Вместо этого он и его друзья рассредоточивались по городу и на продовольственные талоны покупали конфеты «Джолли Ранчер», а на сдачу – ящик пива. Этот ритуал занимал целый день.

> Курт был очень горд собой за то, что смог выжить, не имея ни работы, ни дома. Его единственной заботой была возможность воровать еду, ловить рыбу в реке и получать талоны на продукты. И время от времени жрать макароны с сыром у своих друзей.

– Я просто жил в Абердинской фантастической версии жизни панк-рокера, – говорит Курт. – Это было легко. Это было ничто по сравнению с тем, с чем имеет дело большин-

ство детей, сбежавших в большой город. Не было никакой угрозы или опасности, никогда.

Курт мог бы перебраться в Сиэтл, но он слишком боялся больших городов, чтобы сделать это в одиночку. Он практически не выезжал за пределы области Абердин-Монтесано, и ни у кого в Абердине не было достаточно храбрости, чтобы совершить этот поступок.

Иногда он заходил к Венди, и она готовила ему обед.

– Из-за мучившего меня чувства вины за то, что я позволила Курту уйти и жить с отцом, – говорит Венди, – я всегда баловала сына. Он приходил в гости. «Будешь обедать?» Загладить, загладить, загладить. Мне хотелось загладить свою вину, потому что я была виновата, я чувствовала себя ужасно виноватой перед Куртом.

Венди забеременела и была подавлена тем, во что превратился Курт. Она помнит, как думала: «Я облажалась с первым ребенком, нужен ли мне еще один?»

– Курт пришел, когда я была уже на большом сроке и плакала из-за этого, – говорит она. – Он спросил меня, в чем дело, а я ответила, что ужасно себя чувствую, потому что один ребенок у меня внутри, а другой на улице, и он просто встал на колени, обнял меня и сказал, что у него все в порядке, и чтобы я не беспокоилась о нем, и что все будет хорошо.

Той зимой Курт объединился с Дейлом Кровером, игравшим на бас-гитаре, и Грегом Хокансоном, игравшим на барабанах, и начал репетировать кое-что из своего материала.

Однажды эта троица, которую Курт окрестил Fecal Matter[29], открывала выступление The Melvins в таверне «Спот», пляжном баре в Моклипсе, отдаленном маленьком городке на побережье Вашингтона. Через некоторое время они избавились от Хокансона, которого все равно недолюбливали. Они начали интенсивно репетировать, готовясь к записи демокассеты. С Мэттом Лукином за рулем надежной голубой «Импалы» они отправились в Сиэтл, где жила тетя Курта Мэри, музыкант, у которой был магнитофон на четыре дорожки.

Мэри была поражена агрессивностью вокала Курта.

– Она понятия не имела, что я настолько агрессивный, – говорит Курт. Он записывал гитары непосредственно в магнитофон – классическая малобюджетная техника панк-рока, которой он воспользовался годы спустя на записи Territorial Pissing, трека для альбома *Nevermind*. Они записали семь треков с такими названиями, как Sound Of Dentage, Bambi Slaughter и Laminated Effect, которые звучат как нечто среднее между песней с *Nevermind* Stay Away и темой MTV, а также замедленную инструментальную версию Downer, которая позже появится в альбоме *Bleach*. Запись Fecal Matter содержала некоторые элементы, которые появлялись и в более поздней музыке Курта – в основном сверхтяжелый рифф, привлекающий слух, но в ней также были трэшевый темп и искаженное ощущение структуры песни, напоминающее как

[29] Fecal Matter – фекальные массы.

The Melvins, так и Metallica. Выразительных мелодий еще не было, и вокал Курта варьировался от грубого лая до леденящего кровь воя.

Позже Курт некоторое время репетировал песни Fecal Matter с Баззом Осборном на басу и бывшим барабанщиком The Melvins Майком Диллардом, но вскоре Диллард потерял к этому интерес, и проект полностью развалился, когда, как вспоминает Осборн, «Курта возмутило, что я не покупал басовую систему, и поэтому он решил, что я недостаточно увлечен этим».

В Абердинской средней школе Курт познакомился с закоренелым тусовщиком по имени Стив Шиллингер, чей отец Ламонт был (и до сих пор остается) учителем английского языка. Шиллингер впервые обратил внимание на Курта, потому что у того на папке для документов было написано Motörhead.

Шиллингер помнит кассеты, на которые Курт записывал музыку – «дрянные хэви-метал-песни», вспоминает он, с названиями вроде Suicide Samurai. В первый раз, когда Шиллингер и Курт планировали оторваться вместе – на концерте Metal Church, – Шиллингер кинул его, потому что «было слишком мало пойла, и я не настолько хорошо его знал».

Родители Шиллингера измучились, принимая у себя его друзей, так что, когда Курту понадобилось где-то осесть, он завел дружбу с Эриком, братом Шиллингера. У Шиллингеров было пятеро сыновей и одна дочь, так что прокормить

еще один рот не составляло большого труда. Курт прожил у них около восьми месяцев, начиная с конца зимы 1985 года, и добросовестно выполнял свою работу, как и все остальные.

Эрик также играл на гитаре, и Стив Шиллингер клянется, что Эрик и Курт подключали свои гитары к семейному стерео и играли особенно яркую часть *Rhyme of the Ancient Mariner* Iron Maiden. И Эрик, и Курт полностью отрицают это, но, как говорит Шиллингер, «люди часто отрицают свое прошлое».

За много лет Шиллингеры приютили нескольких «бездомных» друзей Эрика, и обычно через день или два обеспокоенные родители звонили и спрашивали, не у них ли ребенок. Но не в этот раз.

– Мы не услышали ни слова от мамы Курта за все время, пока он был у нас, – говорит Ламонт Шиллингер.

В то лето Курт начал свою долгую карьеру граффитиста. Он был вандалом с тех пор, как начал напиваться в седьмом классе, но этим летом работа была, как говорит Курт, «целенаправленным заявлением». Днем он снова и снова играл альбом Bad Brains *Rock for Light*, а потом по ночам пил и ел кислоту все лето. Он, Осборн, Стив Шиллингер и другие начинали с маркеров, рыскали по переулкам за главными улицами Абердина, писали провокационные фразы вроде «АБОРТ ХРИСТА» и «БОГ – ГЕЙ» или рисовали аэрозолем «ПИДОР» на пикапах четыре на четыре (предпочтительно с оружейными стеллажами), чтобы позлить всякое быдло. В

остальных случаях они писали всякую чепуху вроде «АКРОБАТЫ-АМПУТАНТЫ» или «ЛОДКА АКК», просто чтобы сбить людей с толку.

Однажды вечером они заметили огромную, сложную фреску Pink Floyd, которую кто-то старательно нарисовал в одном из переулков. Ее минуты были сочтены.

– Мы были новоиспеченными панками, – объясняет Шиллингер. – И у нас были баллончики с краской.

У Курта была серебряная краска, а у Шиллингера – черная, и прямо поверх «Pink» Шиллингер написал «Black», а Курт написал «Flag» поверх «Floyd».

– Хиппи мечтали надрать нам зад весь остаток лета, – говорит Шиллингер, все еще ликуя. – Мы были похожи на подпольных хулиганов, на которых охотились.

Курт был на граффити-рейде вместе с Осборном и Кристом, которые только что написали на стене банка «ГОМОСЕКС РУЛИТ», когда из ниоткуда появилась полицейская машина, и Курт попал под свет ее фар. Крист и Осборн убежали и спрятались в мусорном контейнере, но Курта притащили в полицейский участок, и он взял всю вину на себя. Полицейский отчет подробно описывает содержимое его карманов: один медиатор, один ключ, одна банка пива, одно кольцо настроения[30] и одна кассета воинствующей панк-

[30] Кольцо настроения (*англ.* mood ring) – кольцо, которое содержит термочувствительный элемент, например жидкий кристалл. Цвет элемента меняется в зависимости от температуры пальца того, кто носит кольцо. Знаменитая причуда американской моды 1970-х годов.

группы Millions of Dead Cops. Он получил штраф в 180 долларов и тридцать дней условного срока.

Вандализм не был для Курта чем-то новым. Еще когда он учился в средней школе, вместе с друзьями они находили дом, заброшенный или пустующий, врывались в него и уничтожали все, что попадалось под руку. Курт всегда хотел снять один особенный домик, стоявший в поле, потому что это была идеальная площадка для репетиций группы, но владельцы постоянно отказывали ему в аренде, сдавая дом кому угодно, только не ему.

> Однажды поздно вечером Курт шел домой после вечеринки с другом, и они заметили, что дом снова пустует. Они ворвались в него и бесновались, разбрасывая приборы по всему дому, старательно разбивая все окна и разнося все в щепки с помощью набора гирь.
>
> – Это была месть, – говорит Курт.

В конце концов он устроился на работу техником в YMCA[31], примерно в квартале от дома Шиллингеров, в основном для того, чтобы иметь возможность купить музыкальное оборудование, если вдруг найдет группу. Утром он шел на работу, встречался с боссом, а вскоре возвращался

---

[31] YMCA (от *англ. Young Men's Christian Association)* – «Юношеская христианская ассоциация») – молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. Основана в Лондоне в 1844 году Джорджем Вильямсом (1821–1905), насчитывает около 45 млн участников в более чем 130 странах мира.

домой, сидел, смотрел телевизор и пил до самого конца рабочего дня. Иногда ему приходилось стирать граффити, которые он сам написал накануне вечером. Немного позже Курт получил единственную постоянную работу, которую он когда-либо действительно любил – работу инструктора по плаванию для детей от трех до семи лет.

На первом выступлении Дейл Кровер был на басовом барабане, малом барабане и тарелках, Базз Осборн на бас-гитаре, а Курт читал свои стихи под аккомпанемент импровизированного тяжелого рока в GESCCO Hall – похожем на амбар производственном помещении в Олимпии, принадлежащем Колледжу вечнозеленого штата. Первоначально трио называлось Brown Towel («коричневое полотенце»), но из-за ошибки в написании на плакате превратилось в Brown Cow («коричневая корова»). Курта это раздражало.

– Мне пришлось напиться, – говорит он. – Я накачался вином.

Людей было мало, и реакция была тухлой, но два человека в аудитории – житель Олимпии Слим Мун и его приятель Дилан Карлсон, интеллектуал-самоучка, игравший на гитаре в нескольких группах по всему городу, – были потрясены. Они оба знали Курта как члена свиты The Melvins, но теперь он был чем-то большим.

– Именно тогда наше восприятие Курта изменилось от обычного посредственного парня, тусовавшегося с The Melvins, – говорит Слим Мун, – до осознания: «Подождите,

у этого парня определенно есть талант». Карлсон, ныне один из участников сверхтяжелого гитарного дуэта Earth, подошел к Курту и сказал, что шоу было одним из лучших, которые ему только приходилось видеть. Они начали встречать друг друга на разных крутых шоу в Олимпии, вскоре стали близкими друзьями и остаются ими по сей день. Тем временем Курт начал общаться с наркоторговцем по имени Грант (это не было его настоящим именем).

– Он был законченным наркоманом, – говорит Курт. – Он был Верховным Королем наркотиков.

Гранта презирали, но общались с ним, потому что он мог достать практически любой наркотик. В то время об этом никто не знал, но он добывал свой товар, грабя аптеки вместе со своим любовником, приятелем и мальчиком для битья. Грант начал приносить Курту пригоршни перкодана[32], термоядерного обезболивающего, каждая таблетка которого была в своем индивидуальном маленьком пакетике из фольги и пластика, и всего за один доллар в день. Курт считал, что перкодан помогал ему «расслабиться».

– Это было состояние, – говорит он, – похожее на сон, только для этого не нужно было засыпать.

Курт был настолько наивен в отношении наркотиков, что не знал, что перкодан вызывает привыкание, и подсел на него, сам того не осознавая. В итоге его доза увеличилась до

---

[32] Перкодан, сейчас больше известен как оксиконтин – главная причина эпидемии лекарственной опиоидной зависимости в США последних лет.

десяти таблеток перкодана в день и Курт «начал сильно чесаться». Примерно через два месяца запасы Гранта иссякли, и Курту пришлось резко бросить.

– Это было тяжело, – говорит он. – У меня был понос, и пару дней я пропотел в постели Эрика.

Однажды ночью тем летом Грант и Курт вместе попробовали героин. Грант сделал Курту укол.

– Это было страшно, – говорит Курт. – Я всегда хотел это сделать – и знал, что обязательно это сделаю.

Он не знает наверняка, почему был уверен, что в конце концов сделает это.

– Не знаю, – говорит Курт. – Я просто это знал.

К тому времени он пробовал почти все наркотики, кроме PCP («я постоянно слышал о людях, которые сходили с ума и прыгали с крыш после того, как закинулись им»). Героин был последним рубежом.

Еще одной привлекательной чертой был разлагающий, преступный гламур, который наркотики приобрели благодаря связи с такими рокерами, как Кит Ричардс и Игги Поп.

– Игги Поп был моим кумиром, – говорит Курт. – Я просто хотел попробовать.

Курт был уверен, что у него нет ни малейшего шанса подсесть на наркотик, потому что в Абердине его практически невозможно было достать.

Героиновая иллюзия эйфории, возможно, тоже сыграла какую-то роль во всем этом. Эйфория любого

рода была в дефиците в жизни Курта. Начиная со средней школы. Он так злился на свое окружение, что у него развился нервный тик, например хруст пальцами, царапанье лица и нервное смахивание волос, падавших на лицо. У него дергался глаз. Курту даже казалось, что у него может развиться шизофрения.

– Это была смесь из ненависти к людям, потому что они не оправдывали моих ожиданий, и из усталости от того, что приходилось все время быть среди все тех же идиотов, – говорит он. – По моему лицу и тому, как я реагировал на людей, было ясно, что я их терпеть не могу. Это была смесь безумной ненависти к людям, потому что они не оправдывали моих ожиданий, и я был сыт по горло нахождением среди них. Я начал осознавать, что люди замечают мою ненависть к ним.

Курт был уверен, что все знают о его чувствах, и от этого становился еще более нервозным. Он становился все большим параноиком, потому что был уверен, что все знают, что он может сойти с ума в любой момент.

– Они считали меня перспективным ребенком, который однажды принесет в школу АК-47 и перестреляет всех на хрен, – говорит Курт. – Было такое ощущение, что однажды я взорвусь. В итоге люди стали держаться от меня подальше.

Опиаты, такие как, например, перкодан, дарили Курту чувство облегчения; под опиатами он не так сильно ненавидел людей.

– Я чувствовал к ним легкую привязанность или, по крайней мере, мог разглядеть их личности и думать о них как о настоящих людях, – говорит он. – Возможно, у них было паршивое детство, а может, это окружение сделало их такими. Это несколько ослабило мою враждебность к людям. Мне необходимо было это сделать, потому что я устал так сильно ненавидеть людей и так осуждающе относиться ко всем. Это просто позволило мне на несколько дней обрести душевный покой.

Тем временем дружба Курта и Эрика начала распадаться, возможно, из-за музыкального соперничества. Противостояние нарастало с каждым днем, пока однажды ночью, через восемь месяцев после того, как Курт переехал к Шиллингерам, Курт, Эрик и Стив Шиллингеры не вернулись домой с трех разных вечеринок жутко пьяными. Стив говорит, что это было из-за замороженной пиццы, а Курт считает, что это было потому, что он хотел спать, а Эрик хотел смотреть телевизор, и по какой-то причине между Куртом и Эриком вспыхнула драка. Курт объявил перекур, а затем драка возобновилась на заднем дворе.

– На стене была настоящая кровь, – говорит Стив. – Я не хочу говорить о том, кто победил, скажу только, что это была очень кровавая и ужасная битва.

По окончании потасовки Курт поспешно удалился. На следующий день он заплатил Стиву Шиллингеру десять долларов за то, чтобы тот сложил его вещи в мусорные мешки и

отвез их в дом Дейла Кровера. Курт пробыл несколько дней в доме Базза Осборна, а потом ненадолго вернулся к Венди.

Мистер Шиллингер просил Курта вернуться, но тот отказался и вернулся под мост, где время от времени ловил рыбу и ел ее, пока однажды кто-то не сказал, что она ядовита. Иногда он спал в помещении над салоном красоты матери Криста. Приходилось просыпаться в семь утра, чтобы успеть уйти до того, как она придет на работу.

Осенью 1986 года Курт уговорил Венди вложить деньги в дом номер 1000 ½ по Ист— Секонд-стрит в Абердине, ветхую маленькую лачугу в нескольких сотнях ярдов от ее дома. Дом сдавался всего за сотню долларов в месяц, возможно потому, что крыльцо дома обвалилось. «Это была полная хрень, а не дом», – вспоминает Курт, но, по крайней мере, это была его хрень. В доме были две маленькие спальни и две маленькие гостиные. Его соседом по дому стал басист The Melvins Мэтт Лукин, который к тому же был опытным плотником. Лукину пришлось немало потрудиться над домом, прежде чем он стал пригоден для жизни.

Как обычно, в этом доме чистота не была в приоритете. Если ты выпил пива, то мог просто бросить банку на пол. А когда в хижине случались вечеринки, пол покрывался праздничным мусором. Холодильника у них не было, поэтому всю еду они держали в старом, не включенном в сеть морозильнике на заднем крыльце. Готовили они в печи для тостов. Венди время от времени заглядывала к ним с пакетами еды.

Однажды Курт купил с полдюжины черепах и посадил их в ванну прямо посреди гостиной; большую часть комнаты занял террариум, пристроенный к ванне. Для отвода воды плотник Лукин просверлил дыру в полу, и вонючая, смешанная с мясом для гамбургеров и черепашьим пометом вода сливалась через пол прямо под дом. Но фундамент настолько прогнил, что вода поднималась до половиц.

– Естественно, там безумно воняло, – говорит Курт.

Курт испытывал особое влечение к черепахам.

– В них есть очарование, которое я не могу описать, – говорит он. – У черепах будто на лице написано «да пошел ты» – я застрял в аквариуме, я несчастен, я ненавижу тебя, и я не собираюсь выступать для тебя.

А еще у них есть защитные панцири.

– На самом деле эти панцири не так уж полезны, – говорит Курт. – Это часть их позвоночника, и она очень чувствительна – если постучать по панцирю, им будет больно, так что это вовсе не защитная оболочка, как все думают. Если черепаха упадет на спину, панцирь расколется, и она умрет. Это то же самое, как если бы человеческий позвоночник был снаружи.

Курт устроился в Полинезийский отель на Оушен-Шорс, прибрежный курорт примерно в двадцати милях от Абердина, уборщиком, чистильщиком каминов и «подсобным рабочим». Опять же, он не стремился быть идеальным работником. Вместо того чтобы убирать или чинить вещи в гостиничных номерах, он просто входил

в свободную комнату, включал телевизор и засыпал.

Курт постоянно искал новый дешевый кайф.

– Тогда мы все были на мели, так что тратить кучу денег на кокаин и тому подобное не хотелось, – вспоминает Лукин. – Многие принимали ради кайфа сироп от кашля. Я помню парня, с которым мы вместе учились в школе, он глотал аспирин и получал от этого кайф.

В то время многие дети в Абердине употребляли кислоту, не говоря уже о мощной местной марихуане, прозванной «чудо-травой». Лукин, Джесси Рид, Курт и еще несколько торчков сидели как-то вечером и жаловались, что им надоели все эти банальные вещества. Затем Рид вспомнил все эти баночки с кремом для бритья, которые Курт притаскивал с тех пор, как они поселились в одной квартире. Баллон крема для бритья был оснащен маленькой резиновой пробкой на дне банки, куда закачивался газ-пропеллент. Ощущения от вдыхания пропеллента были похожи на ощущения от вдыхания закиси азота. С тех пор производители крема для бритья изменили конструкцию банки, чтобы исключить подобное применение.

Проблема заключалась в том, что большая часть газа улетучивается, поэтому Рид показал им, как смастерить что-то вроде кальяна. Все помчались в «7-Eleven» и накупили еще крема для бритья. Последовала легкая паника, когда они обнаружили, что газ понизил их голоса, но это было временно.

– Мы все ругали Курта, ведь он не должен был тем летом

тратить весь крем для бритья на украшение кукол, – говорит Лукин. – Мы могли бы получить от него кайф!

И вот однажды зимним утром, на рассвете, Курт пришел к дому Венди.

– Мама, – позвал ее Курт слабым от страха голосом, – я потерял руку. Я сжег руку, и она просто исчезла.

Он разрыдался. Курт готовил картошку фри, свою обычную еду, и сильно обжег руку о горячий жир.

– Это было ужасно, – говорит Венди. – Рука сильно обгорела – это была самая отвратительная вещь, которую я когда-либо видела, и мне приходилось перевязывать ожог дважды в день и менять повязки… это было ужасно.

Курт поехал в больницу, врач перевязал его ожог и сказал, что он больше никогда не будет играть на гитаре. Но потом Венди отвела его к специалисту, с которым познакомилась в колледже Грейс-Харбор, где проходила программу подготовки медсестер. Сейчас шрама совершенно не видно.

Во время лечения Курт сидел дома и пытался играть на гитаре. Не работая и не имея никаких доходов, он был вынужден в течение нескольких месяцев питаться одним рисом. Время от времени он разорялся на замороженный солсберийский стейк.

– Я умирал с голоду, живя в этом свинарнике, – говорит Курт, – без возможности играть на гитаре, в постоянном страхе, что хозяйка будет звонить каждый день и напоминать, что я должен ей деньги. И это лишь малая часть.

Он не знал, где будет жить в ближайшем будущем.

Курт очень хотел создать группу с Кристом, но Криста, похоже, не заинтересовала эта затея.

– Я всегда давал ему понять, что хочу играть с кем-то в группе, – говорит Курт, – но Крист не хотел этого.

Курт даже одолжил Кристу свой усилитель на полторы недели, пытаясь подмазать его. Но он не принял предложение Курта и даже заставил его прийти к нему домой, чтобы тот забрал свой усилитель.

– Он очень хорошо звучал, – говорит Крист, – но я решил вернуть его Курту.

Курт время от времени подсовывал Кристу копию записи Fecal Matter, пытаясь намекнуть, но Крист так и не сказал о ней ни слова.

> Через год после записи демо и через три года после их первой встречи Крист сказал Курту: «Я наконец-то прослушал запись, которую ты сделал. Она очень хорошая. Мы должны создать группу».

У Курта была гитара и усилитель Peavey. Раньше у Криста был усилитель, но ему пришлось отдать его Мэтту Лукину в обмен на то, что тот вызволил его из тюрьмы после драки с каким-то быдлом на парковке абердинского «7-Eleven». Для записи они использовали еще один гитарный усилитель и дешевый микрофон с диафрагмой, которая была приклеена изолентой. Это была развалюха, но она работала. Над салоном красоты миссис Новоселич было пустое помещение,

и они играли там часами: Крист на басу, Курт на гитаре и парень по имени Боб Макфадден, которого Крист запомнил как «какого-то качка», у которого случайно оказалась ударная установка.

К сожалению, вскоре это место превратилось в притон, как и репетиционная база The Melvins, и Кристу в конце концов пришлось повесить табличку с надписью: «Это не ночлежка. Валите отсюда, нам нужно репетировать».

Андеграундная сцена Абердина была настолько мала, что вокруг репетиционной базы болтались даже фанаты The Cure с модными начесами и в готической одежде. Крист и Шелли называли их клубом «Стрижка 100»[33].

– Мы не были близки с ними, потому что их в основном волновала мода, – говорит Шелли. – Мы же хотели только поиграть.

Группа немного поработала над материалом, но по какой-то причине проект развалился примерно через месяц, и все трое пошли разными путями. Крист и Шелли отправились в Аризону искать работу.

Курту не нравились ребята, зависавшие в хижине. Как правило, это были несовершеннолетние пьяницы, для которых дом был лишь местом, где можно напиться. Работа Лукина в качестве столяра-краснодеревщика была далеко не

---

[33] «Стрижка сотен» была британской группой «Новая волна», образованной в 1980 году в Бекенхеме, Лондоне, Ником Хейвордом и Ле Немесом. В 1981 и 1982 годах у группы было четыре лучших сингла в Великобритании: Favorite Shirts (Boy Meets Girl), Love Plus One, Nobody's Fool и Fantastic Day.

постоянной, поэтому чаще всего он и его собутыльники не ложились спать до самого утра, а Курту приходилось рано вставать, чтобы идти на работу в отель. Через пять месяцев Лукин понял, что ему пора съезжать.

Дилан Карлсон упомянул, что он безработный, и Курт рассказал ему о замечательной работе, которую они могли бы получить, – работе укладчиками ковров в отеле Оушен-Шорс. Карлсон собирался занять комнату Лукина в лачуге, но пробыл там всего две недели, потому что с работой по укладке ковров так и не сложилось. Однажды рано утром они отправились в Оушен-Шорс и обнаружили, что босс был настолько пьян, что не мог подняться с пола, чтобы отпереть дверь. Когда они приехали во второй раз, дверь была не заперта, но босс отключился прямо перед ней, преграждая путь.

Карлсон сдался, но Курт попробовал и в третий раз. Он попал внутрь, но босс ушел в бар и напился до бесчувствия. Они так и не смогли заполучить ту хваленую работу укладчиков ковров.

Курт все чаще и чаще ездил с The Melvins в Олимпию, город примерно в пятидесяти милях к востоку от Абердина. Олимпия, столица штата, служит домом Колледжу вечнозеленого штата, пристанищем для элиты и всевозможных неудачников и рассадником предприимчивой независимой музыки. Курт ездил туда почти каждый уик-энд, чтобы по-

смотреть на группы. Олимпия была маленьким городком, но у нее были связи с национальной инди-сценой, которые поддерживались за счет радиостанции Колледжа вечнозеленого штата KAOS, журнала Op (с тех пор превратившегося в Option), издателя фэнзинов Брюса Пэвитта и студии Кэлвина Джонсона K Records.

Молодежь там не фанатела от хард-рока, а предпочитала наивную музыку, так называемый love rock, которую исполняли Джед Фэйр[34] и группа Beat Happening, которую возглавлял Кэлвин Джонсон. Он доминировал на сцене и вдохновлял легион клонов – Курт называет их «кальвинистами» – людей, которые говорили и одевались точно так же, как он, стремясь к невинному детскому состоянию.

Это было целое сообщество изгоев – их отвергали даже панк-рокеры. Кальвинисты не употребляли наркотики – по крайней мере, они так говорили – и коротко стриглись. Все играли друг у друга в группах, все со всеми спали. У них была своя кофейня, свой магазин грампластинок, и фактически KAOS стал их собственной радиостанцией.

– Они создали свою маленькую планету, – говорит Курт.

У них была даже своя собственная студия звукозаписи. Кэндис Питерсон и Джонсон управляли K Records, небольшим инди-лейблом с хорошими связями, который также продвигал зарубежные группы похожего стиля, например

---

[34] Джед Фэйр (*англ.* Jad Fair) – американский музыкант; композитор, гитарист и вокалист альтернативной рок-группы Half Japanese.

Young Marble Giants, Kleenex и The Vaselines.

Курт не полностью поддерживал идеалы K. Он любил носить длинные волосы и принимать наркотики. Но ему нравилась музыка и ее смысл.

– Они открыли для меня музыку, которую я никогда раньше не слышал, – говорит Курт. – Они заставили меня осознать, что в течение многих лет я не оглядывался на свое детство. Я пытался забыть о нем, просто выкинул его из памяти. А теперь мне пришлось вернуться в прошлое и с нежностью вспомнить о своем детстве. Это было приятное напоминание о невинности.

> «Чтобы помнить, что я всегда должен оставаться ребенком», Курт сделал на левом предплечье татуировку с логотипом K Records, буквой «K» внутри простого щита.

После отъезда Лукина Курт прожил в лачуге еще два месяца, задолжав хозяйке за аренду.

В это же время он начал встречаться с девушкой по имени Трейси Марандер. Она не была похожа ни на одну из других девушек, которых он знал. Она носила полосатое пальто, похожее на зебру, а ее волосы были выкрашены в огненно-красный цвет, и она жила в Олимпии. Трейси любила вечеринки и была несколько эксцентрична, но в то же время спокойна и заботлива. Через несколько недель она стала первой настоящей девушкой Курта.

Трейси и Курт познакомились примерно год назад, око-

ло клуба Gorilla Gardens, похожего на амбар панк-клуба для всех возрастов (ныне несуществующего) в китайском квартале Сиэтла. Познакомил их общий друг Базз Осборн. Трейси и ее парень сидели в машине, пили пиво и разговаривали с Баззом и Куртом, которые тоже пили пиво. Встреча прервалась, когда Трейси заметила пару полицейских, направлявшихся в их сторону, и уехала, оставив Курта и Базза отдуваться перед полицией.

Трейси считала, что Курт очень милый и выглядит слишком молодо. Он был худощавый и коротко стриженный.

– Меня поразили его голубые глаза, – вспоминает она. – Я никогда раньше не видела таких голубых глаз.

Подружившись с Кристом и Шелли, она стала прилипалой и через год, на вечеринке в доме родителей Базза Осборна, снова встретила Курта, наблюдая, как Базз и Крист пьют «Бешеного Пса». Когда Курт ушел, Базз рассказал ей, что Курт был тем самым парнем, который так классно нарисовал Kiss на боку фургона The Melvins – известного как Мел-Вэн – при помощи маркеров «Magic Markers». Когда очередной маркер заканчивался, он шел в лавку Shop-Rite в Монтесано и крал еще один.

– Я подумала, что это вроде как круто, – говорит Трейси.

Глава III
Это мой брат Крист. Он слушает панк-рок

Крист Энтони Новоселич родился 16 мая 1965 года в Комптоне, штат Калифорния. Его родители, Кристт и Мария, были иммигрантами из Хорватии; мистер Новоселич (фамилия в переводе с хорватского означает «новый поселенец») переехал в США в 1963 году, его будущая жена – годом позже. Они поселились в Гардене, штат Калифорния, где мистер Новоселич работал водителем грузовика в компании по доставке питьевой воды Sparklets.

После нескольких переездов по разным квартирам с Кристом и его младшим братом Робертом они поселились в скромном доме, а после рождения сестры Криста Дианы в 1973 году – в другом, более симпатичном доме.

Хотя в Калифорнии было организовано автобусное сообщение между школами, в Гардене дети разных рас не смешивались – за исключением одной группы.

– У нас была своя тусовка из ребят, ничего не смыслящих в математике, – говорит Новоселич. – Те, кто не вписывался в общую картину, держались вместе, и в этом не было никаких расовых предрассудков. Так что интеграция сработала.

– Мы с Робертом были большими мальчиками и часто по-

падали во всякие неприятности, – вспоминает Крист свой пятнадцатилетний возраст. – Резали шины и тому подобное. Мой отец порол нас, потому что это было все, что он умел делать. И мы его боялись. Но я не считаю это насилием или оскорблением. Он даже не давал нам пощечин. Это был его ответ на наши действия. А Роберт носил очки, и в первый же день он их разбил, – продолжает Крист. – Вот такой вот Роберт. Мы могли творить всякое дерьмо. Бросали камни в дома, в машины. В то время вандализм казался крутым и престижным. Мы были настоящими вандалами. Бросались яйцами…

Крист говорит, что они с братом взялись за ум, когда пришло время переезжать в Абердин в 1979 году. Кристу тогда было четырнадцать. Цены на недвижимость в Южной Калифорнии стали для семьи Новоселич неподъемными, а в Абердине они могли найти хороший дом за небольшие деньги. Кроме того, там было много других хорватских семей. Новоселич-старший устроился машинистом на одну из многочисленных лесопильных фабрик города.

После солнечной Калифорнии Абердин Кристу совсем не нравился.

– Здесь все было против меня, – говорит он. – Пасмурно и дождливо, на улицах вся эта грязь от грузовиков. Все здания какие-то грязные. Похоже на город в районе Восточной Германии. Там была настолько высокая влажность, что деревья становились мягкими и просто разваливались.

Как и Курту, Кристу было тяжело в школе, потому что он не вписывался в коллектив. Стереотип о Калифорнии был правдив – там действительно все было более размеренным.

– Я был озадачен странной, искаженной общественной жизнью, которая была в Абердине, – говорит Новоселич. – Мне казалось, что люди там были гораздо более нервные и субъективные.

Абердинцы носили кожаные теннисные туфли и слоновьи клеши, в то время как Крист щеголял в топ-сайдерах и ливайсах с прямыми штанинами.

– Три года спустя, – говорит Крист, – все уже носили брюки с прямыми штанинами. Мои страдания были напрасны.

Он был очень высоким – больше двух метров к моменту окончания средней школы. Его родители надеялись, что он станет баскетболистом, но рост лишь делал Криста неуклюжим.

– По большей части я был просто странным и неприспособленным, – говорит Крист. – Я был очень подавлен, приехав в Абердин. Я ни с кем не мог ужиться. Возвращаясь домой, я спал весь остаток дня и в одиночестве слушал музыку. У меня не получалось ужиться с этими детьми. Они были придурками, и очень плохо ко мне относились. Я ничего не понимал. Они вовсе не были крутыми.

Крист слушал такие группы, как Led Zeppelin, Devo, Black Sabbath и Aerosmith, в то время как его сверстники отдавали

предпочтение песням из чарта Top Forty[35], возможно потому, что на местном радио звучал только он. В школьном автобусе включали Top Forty, и Крист был вынужден терпеть Coward of the County Кенни Роджерса[36]. Снова и снова.

Кристу Новоселичу повезло с расположением дома. Он находился на Think of Me Hill[37], самом высоком холме Абердина (он носил такое название потому, что на рубеже веков на холме, возвышавшемся над городом, висела большая вывеска с рекламой табака Think of me), поэтому его радио тут отлично ловило – в ясные дни он мог увидеть Портленд, штат Орегон. Он лежал в своей комнате в депрессии и часами слушал сиэтлские хип-хоп-радиостанции.

К июню 1980 года родители Криста были настолько обеспокоены его депрессией, что отправили его жить к родственникам в Хорватию. Крист выучил хорватский «во дворе»

---

[35] Top Forty – независимое международное радиошоу, которое в настоящее время ведет Райан Сикрест. Каждую неделю 40 песен, которые больше всех игрались на американских радиостанциях, а также набравших наибольшее количество голосов на официальном веб-сайте программы, отсчитываются в обратном порядке. В настоящее время программа транслируется во множестве стран, включая США, Канаду, несколько европейских стран, и Австралию. В России American Top 40 транслировалось с июля 2002 по ноябрь 2003 года на радио «Монте-Карло».

[36] Кенни Роджерс – американский певец и киноактёр, один из наиболее успешных в истории музыки кантри. Его творчество находится на грани кантри и поп-музыки, а наиболее известными записями являются медленные любовные баллады.

[37] Think of Me Hill – холм «Думай-обо-мне».

и до сих пор свободно владеет им. Ему нравилось там жить – он завел множество друзей, и там были прекрасные школы. Крист даже услышал там нечто под названием «панк-рок» и открыл для себя Sex Pistols, Ramones и даже некоторые югославские панк-группы. Тем не менее они не оказали на него особого влияния.

– Это была просто музыка, – вспоминает Крист. – Она ничего для меня не значила – просто нравилась.

Через год родители позвали его домой.

– Я был в странном подвешенном состоянии, – говорит Крист. – Начал много пить и курить травку. Я всегда был большим любителем выпить. Когда я пью, то просто не могу остановиться. Мне казалось, что, когда выпью, я оказываюсь в каком-то странном мультяшном мире, где все идет как надо. Зрение затуманено, у всего вокруг есть смысл. Это настоящее безумие. Это другая реальность и другой уровень сознания.

Крист стал популярен на вечеринках.

– Он ходил на вечеринки, и люди вокруг кричали: «Эй, Нови!», – говорит Мэтт Лукин. – Его всегда знали как большого чокнутого парня, потому что Крист всегда делал странные вещи. Его считали немного странным. Он ходил на вечеринки и просто скакал там.

У него было несколько знакомых, с которыми можно было пообщаться, но он не мог назвать их друзьями.

– Я тусовался с ними, потому что мне больше некуда было

пойти, – говорит Крист. – Это было как-то странно и некомфортно.

В конце концов он нашел работу в местном «Тако Белл» и с головой погрузился в нее, работая каждый вечер, ни с кем не общаясь и таким образом экономя деньги. К выпускному классу средней школы он купил машину, несколько стереодинамиков и гитару. Вместе с братом Робертом он взял несколько уроков гитары и сказал своему преподавателю Уоррену Мейсону – тому самому парню, который учил Курта, – что хочет играть блюз. Крист уволился с работы через несколько месяцев, а затем усердно работал в своей спальне, вместе с братом терпеливо осваивая приемы со старых записей Би Би Кинга.

А потом он познакомился с Баззом Осборном.

Крист работал в «Тако Белл» вместе с парнем по имени Билл Халл, чья главная заслуга состояла в том, что он был исключен из Абердинской средней школы за установку самодельной бомбы в теплице. Когда Халла перевели в школу Монтесано, он познакомился там с Баззом и Мэттом Лукином. Однажды Базз и Мэтт заглянули к нему в «Тако Белл».

– И еще там был такой большой, высокий, туповатый парень, он подпевал рождественским песням, которые играли на фоне, – вспоминает Лукин.

Крист упомянул, что играет на гитаре, а позже Осборн позвонил ему и пригласил потусить в Монтесано.

Они говорили о политике, и Осборн включил что-то за-

жигательное из The Vibrators, Sex Pistols, Flipper, Black Flag, Circle Jerks.

– Это было что-то вроде, *вау*, панк-рок, – говорит Новоселич, все еще удивляясь. – Я мгновенно и полностью отрекся от всего этого дурацкого метала – Ozzy Osborn, Judas Priest, Def Leppard, теперь это казалось жутким дерьмом, которое я больше не мог слушать. С тех пор эта музыка потеряла для меня всякую привлекательность. Сэмми Хагар[38], Iron Maiden, все это больше мне не нравилось. Но я все еще тащился от Led Zeppelin, Aerosmith и так далее.

Крист прошел через стадию прог-рока – Emerson, Lake & Palmer и им подобные, но, как он любит говорить, «за рычаг они меня не дергали».

Как и у Курта, реакция Криста на панк-рок была запоздалой.

– Он не впечатлил меня сразу, – говорит Крист. – Понадобилось около недели, чтобы меня наконец зацепило. Я слушал *Generic Flipper*, и эта пластинка тронула меня. Это было что-то вроде Искусства. Настоящее искусство. Оно было настолько содержательным. Люди доверяют *Led Zeppelin IV* или *White Album*, и здесь было так же. И это полностью перевернуло мою жизнь.

Крист начал читать панк-фэнзины, такие как

---

[38] Сэмми Хагар – американский гитарист и рок-вокалист. Наиболее известен как вокалист американской рок-группы «Van Halen».

Maximumrocknroll[39], открывал для себя политические хардкорные группы, такие как MDC, и читал обо всем, от анархизма до прав, которыми наделены животные. Затем он открыл для себя такие группы, как Butthole Surfers, Minor Threat и Hüsker Dü. Вместе с друзьями Крист садился в огромную синюю «импалу» Мэтта Лукина и ехал в Сиэтл смотреть панк-рок-шоу – целых два часа туда, и два часа обратно. Восхищаясь большим городом, компания держалась сама по себе.

> Примерно в это же время брат Криста Роберт привел своего друга Курта Кобейна в дом Новоселичей. Когда Курт спросил, что за шум из стереосистемы доносится сверху, Роберт ответил: «О, это мой брат Крист. Он слушает панк-рок». Курт подумал, что это очень круто, и взял себе на заметку.

Крист окончил среднюю школу в 1983 году. Вскоре его родители развелись. Это было достаточно тяжелое время. В этот же период ему сделали пластическую операцию на лице – врачи вырезали небольшой участок кости из челюсти Криста и выдвинули несколько зубов вперед, чтобы поправить сильно выступающую нижнюю челюсть («Я выглядел как Джей Лено[40]», – говорит Крист).

---

[39] Maximumrocknroll – многотиражный ежемесячный панк-зин.

[40] Джей Лено – американский актер, стендап-комик, телеведущий и писатель, наиболее известный как ведущий телепередачи «The Tonight Show» на канале NBC.

Лукин вспоминает, как вместе с Осборном заезжал к Кристу в день операции. Они звонили в дверь снова и снова, но никто не отвечал. Потом они бросили несколько камешков в окно.

– Когда мы уже были готовы сдаться, – рассказывает Лукин, – Крист открыл окно, и у него была такая огромная распухшая голова – Крист был похож на маленького толстого азиатского парня. Словно человек-слон подошел к окну.

Крист был зол на то, что его разбудили после наркоза. Его челюсти были плотно скреплены, но он все же сумел что-то произнести.

– Сволочи вы! – выкрикнул он.

Челюсть Криста была зафиксирована на шесть недель. Он по-прежнему ходил на вечеринки, только ему приходилось носить с собой кусачки на случай, если его стошнит или что-то застрянет в горле.

– Он ходил на вечеринки, надирался там, – вспоминает Лукин, – его рвало, и все это текло через его трубку.

Крист говорил, что ему нельзя было вынимать ее, и есть он мог только что-то вроде молочных коктейлей, и никакой твердой пищи. И все же это было довольно безответственно с его стороны.

– Вскоре отек спал, – говорит Крист, – и у меня появилось новое лицо.

Однажды, когда Крист учился в старших классах средней школы, он шел по коридору за двумя девочками по-

младше, которые восторженно обсуждали альбом *Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols*. Он поддержал беседу: «Да, они действительно замечательные!» Шелли помнила его как «парня, похожего на школьного клоуна, который вечно шутит». Они немного поболтали и подружились.

Шелли дружила и с Куртом и помнит его как «умника», которому доставляло удовольствие бесить одного болвана, сидевшего рядом с ним в художественном классе. Мама Курта какое-то время жила у его друга, и Шелли знала его сестру, возраст которой уже позволял ей покупать пиво. Иногда она заходила к Курту домой и обнаруживала, что они с друзьями сильно накурились и тащатся под Led Zeppelin.

Шелли бросила учебу в выпускном классе, устроилась работать в «Макдоналдс» и сняла собственную квартиру за сто долларов в месяц на Маркет-стрит, напротив пожарной части. По дороге на работу она проходила мимо мастерской Фостера, где работал Крист, и могла поболтать с ним. Шелли записала номер его телефона, и они начали созваниваться. У них было много общего – Шелли тоже была той еще чудачкой в школе, – и к марту 1985 года они уже сидели в квартире Шелли как настоящие друзья, слушали пластинки с панк-роком и ходили вместе на концерты, и вскоре они начали встречаться.

Крист и Осборн некоторое время играли в группе с первым барабанщиком The Melvins Майком Диллардом, с Кристом на гитаре и Осборном на басу. Крист вместе с члена-

ми The Melvins играл панк-версию Sunshine Of Your Love[41] в качестве разогрева на концерте The Melvins/Metal Church в концертном зале D&R в Абердине. Крист стал солистом Stiff Woodies, стороннего проекта The Melvins, в составе которого в разное время играли Осборн, Кровер, Лукин, парень по имени Гэри Коул и другие, в том числе Курт Кобейн на барабанах («Мы звучали точно так же, как Butthole Surfers», – утверждает Курт). Крист был ярким вокалистом, вспоминает Дейл Кровер.

– Он носил этот большой длинный жилет с пурпурной бахромой, и делал высокие взмахи ногами, – говорит Кровер. – Это было забавно.

Stiff Woodies сыграли несколько раз, прежде чем встать на путь всяких сторонних проектов, вероятно потому, что вокальные таланты Криста были примерно на том же уровне, что и его эпизодическая роль в начале Territorial Pissings на *Nevermind*.

В еще одном стороннем проекте The Melvins, кавер-группе Mentors, Крист играл на басу. Его сценическое имя было Фил Ацио[42].

К тому времени Криста уволили с работы, где он трудился маляром, и он получал пособие по безработице – пятьдесят пять долларов в неделю. Обычно он долго спал по утрам,

---

[41] Sunshine Of Your Love – песня британской группы Cream, изданная на альбоме Disraeli Gears.

[42] Fellatio – оральный секс.

а потом болтался на репетиционной площадке The Melvins, где группа ежедневно репетировала. Вскоре Крист перебрался к Шелли. После этого он уже не так часто общался с прилипалами на репетиционной базе The Melvins, предпочитая проводить большую часть времени со своей девушкой.

У них не было ни телевизора, ни телефона, они покупали все в комиссионных магазинах. У них были разноцветные занавески, и они слушали Cream и ранние пластинки Rolling Stones.

> – Это было едва ли не лучшее время в нашей жизни, – говорит Шелли. – Все было таким новым. Все казалось нам ярким. Мы впервые были далеко от родителей, и мир принадлежал только нам. Это было действительно круто.

В декабре Крист и Шелли переехали в более просторный, но более ветхий дом в Абердине. Дом продувался сквозняками, особенно в сырую северо-западную зиму, и сквозь трещины в стенах даже пробивались лучики солнечного света.

Заметив, что The Melvins получают за один вечер по восемьдесят долларов – поистине царская награда, – Крист и Курт основали группу, исполнявшую кавер-версии песен Creedence Clearwater Revival, метко названную Sellouts. Они полагали, что CCR – это кантри-рок, и он придется по вкусу жителям провинциального Абердина. Группа состояла из Курта, играющего на барабанах, Криста, играющего на гитаре, и парня по имени Стив Ньюман на басу (позже Ньюман

потерял пальцы в результате несчастного случая на лесопилке). Они репетировали в доме Криста и Шелли, но их хватило всего на пять или шесть репетиций. Группа распалась после того, как в один прекрасный день Курт и Ньюман сильно поссорились. Они сидели и пили, когда Ньюман попытался напасть на Курта с пылесосом. Курт схватил доску два на четыре дюйма и ударом по голове вырубил своего куда более крупного противника.

Несмотря на то что средняя школа осталась позади, им все еще не удалось сбежать из Абердина и от своих провинциальных сверстников.

– Это был город на отшибе, а эти люди считали его центром Вселенной, – говорит Мэтт Лукин. – Были и воротилы, популярные в средней школе, у которых был свой определенный круг общения, и даже спустя время они поддерживали связь. Менталитет маленького городка – явная узколобость, люди воспринимают что-то непривычное для них как нечто плохое.

– Курт действительно был жертвой, – говорит Шелли. – Людям хотелось его избить. Курт отличался от них. Он не был занудой, и ему нравилась его собственная музыка, а люди в маленьком городке не любят этого – если ты другой, значит, ты урод. У нас в Абердине полно всякого дерьма. Крист как-то на вечеринке обмолвился о социализме, а эти парни уже заговорили о том, как бы перерезать ему горло, настоящие уроды, ведь они думали, что Крист коммунист.

Атмосфера была жуткая, особенно в 1985 году.

В марте 1986 года Крист и Шелли переехали в Финикс, штат Аризона, в поисках работы. Но вскоре они устали от удушливой, изнурительной жары и всех этих республиканцев и вернулись в свою стодолларовую квартиру. Они оставались там еще в течение шести месяцев, прежде чем переехать в соседний Хокиам (слово из языка индейцев квинолт, означающее «потребность в дереве»), в квартиру над гаражом. Они стали вегетарианцами. Криста заразил этой идеей коллега по работе по имени Дуайт Кови, пожилой хиппи, который построил себе хижину в лесу и не пользовался ни электричеством, ни водопроводом. Крист перестал есть красное мясо, затем постепенно отказался от мяса птицы и от рыбы.

– Мне кажется, что я просто искал самый лучший образ жизни, – говорит он. – Я задумался обо всех этих убитых коровах. И нисколько не пожалел о своем решении.

Глава IV
Эти ребята были из Абердина

В конце зимы 1987 года Крист и Курт нашли нового барабанщика – усатого Аарона Буркхарда, который жил по улице ниже, недалеко от дома Курта. Буркхард курил травку и был одним из прилипал. Время от времени он садился за барабанную установку Дейла Кровера и играл.

– Буркхард очень жизнерадостный, счастливый человек, – говорит Курт. – Громкий, но не настолько невыносим, чтобы возненавидеть его до глубины души. И еще он ходячий магнит для неприятностей.

Буркхард был в некотором роде городским пройдохой. Он находился в машине, которой его друг протаранил витрину абердинского магазина Shop-Rite, причинив ущерба на пятнадцать тысяч долларов. Вскоре после этого его лицо появилось на первой полосе абердинской газеты Daily World, из-за того что еще одна машина, в которой он находился, перевернулась на разделительной полосе и загорелась, при этом погиб водитель.

У Буркхарда были свои недостатки, но он был единственным человеком в Абердине, который играл на барабанах и которого знал Крист. У него была постоянная работа в «Бургер Кинге», но почему-то не нашлось денег на приличную

барабанную установку, поэтому ее пришлось собирать из нескольких барабанов, которые были у Буркхарда, деталей старой потрепанной установки Sears Дейла Кровера и даже подставки для нот, которая должна была держать одну из тарелок.

После того как родители Криста развелись, Мария Новоселич переехала в помещение над своим салоном красоты, так что молодая группа перенесла свои репетиции в небольшой домик Курта. Теперь у него был маленький Fender Champ, а у Криста – усилитель марки PMS и неуклюжий старый бас Hohner, который он позаимствовал у Грега Хоксона. Они начали репетировать всерьез, черпая вдохновение у трудолюбивых The Melvins.

Сначала Курт пел с английским акцентом.

– Когда я впервые услышал американский панк-рок, – говорит Курт, – он показался мне недостаточно панк-роковым, потому что в нем не было акцента.

Поначалу они выучили большую часть записи Fecal Matter, но почти сразу приступили к написанию нового материала. За три месяца у них появилось около дюжины новых песен. В то время Крист был большим поклонником четок, благовоний и психоделического рока шестидесятых годов. «Полноценный хиппи», – говорил Курт. Крист был в восторге от найденной пластинки голландской группы Shocking Blue, наиболее известной своим классическим поп-хитом 1970 года Venus. Курту альбом не понравился, но, чтобы по-

забавить Криста, он согласился сделать кавер на одну из песен альбома, псевдопсиходеличный комок жевательной резинки под названием Love Buzz. Курт значительно повысил темп, отбросив все, кроме первого куплета, в основном из-за того, что ему было лень разбираться в остальных словах.

С самого начала между Буркхардом и остальной группой возникло недопонимание. Буркхард больше увлекался мейнстримом, чем тем, что он называл «панк-говном», и не совсем понимал музыку Курта, которая напоминала утонченные, противоречивые группы, такие как ранние Gang of Four, Scratch Acid и The Butthole Surfers.

– По большей части я слушал мейнстрим, а Курт был погружен в андеграунд, – говорит Буркхард. – Но мне нравилась их музыка.

> Оглядываясь назад, можно сказать, что это был первый признак будущей масштабной популярности музыки Курта – она, во многом вдохновленная панком и андеграундом, каким-то образом перешла в мейнстрим.

Больших усилий стоило заставить Буркхарда репетировать. Он сожительствовал с разведенной матерью двоих детей, которая была к тому же на шесть лет старше его. Она получала пособие по безработице, и, когда в начале месяца приходил чек, они с Буркхардом выходили на улицу и гудели вместе с другими безработными Абердина.

– Первого числа в этом городе всегда шумно, – говорит Буркхард.

– Когда приходил чек на пособие, – говорит Курт, – Буркхарда невозможно было затащить на репетицию.

Поначалу даже Кристу было трудно соответствовать рвению Курта – иногда он пропускал репетиции или говорил, что занят, возможно, из-за того, что мать Криста, гордая женщина, владевшая собственным успешным бизнесом, не слишком любила Курта.

– Черт, его мать меня ненавидела, – говорит Курт. – Она называла меня ничтожеством и терпеть меня не могла. Я всегда слышал, как она говорила Кристу, что он должен найти себе других друзей, всегда унижала его и называла неудачниками его и всех его друзей.

Курт несколько раз приводил Криста домой. Венди вспоминает, что Крист часто бился головой о потолочные балки.

– О, не волнуйтесь, – говорил он как ни в чем не бывало, – со мной постоянно это случается.

Крист был таким застенчивым, что готов был на все, чтобы избежать общества Венди, которая была известна своей разговорчивостью.

Буркхард вспоминает, что рваные джинсы и богемное поведение отличали Курта от обычного абердинского наркомана.

– Он просто держался так, словно ему было на все насрать, – говорит Буркхард. – Ему было все равно, что о нем думают другие.

Курта было не остановить.

– Я хотел записать пластинку или сыграть несколько концертов и не дать группе развалиться, как это произошло со всеми остальными в течении последних шести лет, – говорит Курт. – Мы отыгрывали сет, а потом я просто начинал снова играть песни, даже не поднимая глаз, чтобы понять, хотят ли эти ребята играть их снова. Мне нужно было привести их в форму.

В конце концов, рвение Курта победило Криста, и они оба стали настолько одержимы, что расстраивались из-за каждой неудачной репетиции.

– Мы могли сильно злиться, – говорит Курт. – Мы относились к этому очень серьезно.

Вскоре их целью стало настоящее выступление.

– Мы просто обязаны были сыграть, – говорит Курт. – Боже, если бы у нас была возможность выступить, это было бы здорово.

Наконец они попали на концерт – на вечеринку в Олимпии. Они загрузили «Фольксваген-Жук» Криста оборудованием и поехали на концерт. Взвинченные и возбужденные мыслью о своем первом шоу! Но, приехав, они обнаружили, что полиция уже прикрыла вечеринку, и они просто развернулись и целый час ехали обратно в Абердин.

Первым настоящим концертом стала домашняя вечеринка в соседнем Раймонде, городе еще более изолированном, чем Абердин. Это было выступление на разогреве одной металлической группы с участием гитарного гения Абердина

(«Этот парень знал *все* гитарные фишки Эдди Ван Халена», – говорит Крист, находящийся под впечатлением). Буркхард вспоминает, что хозяева были «мажорами из высшего класса, и у них был ящик Michelob – хорошего пива. Крист начал творить какую-то дичь, прыгнул в окно, оббежал вокруг дома до входной двери, зашел, а потом повторил это еще несколько раз. У него была искусственная вампирская кровь, и он просто валял дурака, но это было чертовски весело.

– Мы так напугали народ, что все спрятались от нас на кухне, – говорит Курт. – Мы осмотрели всю гостиную и остальную часть дома.

Просто чтобы шокировать буржуазию, Шелли и Трейси начали целоваться при всех; Курт посреди гитарного соло забрался на стол, и они гладили его ноги.

> – Конечно, к концу вечера большинство девушек, присутствующих на вечеринке, уговаривали своих парней побить нас, – говорит Курт. – Нас, конечно, не побили, но дали понять, что нам здесь не рады. Собирайтесь и валите, ребята.

Большинство людей были в недоумении, ведь группа сыграла не так много каверов, как планировали.

– Они не знали, что и думать, – говорит Крист, который помнит, как несколько предприимчивых людей подошли к группе после концерта, выражая свой восторг. – Кто знает, что потом случилось с теми, кто считал, что это было круто, – добавляет он, с сожалением качая головой.

К тому времени в их репертуар входили Hairspray Queen, Spank Thru, Anorexorcist, Raunchola («Реально пошлая», – объясняет Крист.), Aero Zeppelin, Beeswax и Floyd the Barber, а также такие каверы, как, например, Love Buzz, White Lace and Strange малоизвестной группы шестидесятых годов *Thunder and Roses*, эпическая Sex Bomb Flipper и Gypsies, Tramps, and Thieves, где Крист исполнял основную вокальную партию.

Вскоре эти парни сыграли свой первый большой концерт – заключительный вечер в зале GESCCO Hall в Олимпии. Они снова сняли заднее сиденье «Фольксвагена-Жука», принадлежавшего Кристу, и по дороге из Абердина выпили галлонную бутылку вина.

На концерте присутствовало около десяти человек, они ободрали со стен несколько ярдов дорогущей полиэтиленовой пленки и обмотались ею, пока группа играла. Начало было хорошим.

Затем группа выступила в Community World Theater, переоборудованном порнотеатре в Такоме. Трейси дружила с его владельцем, Джимом Мэем, и помогла им организовать концерт. Мэй брал за вход всего пару баксов и не возражал, если несовершеннолетние пили там пиво. В театре выступали такие группы, как Dicks и Jack Shit, а также The Melvins и гастролирующие панк-группы, такие как Circle Jerks.

У группы еще не было названия, но Мэю хотелось как-то обозначить себя на афише, и поэтому Курт придумал назва-

ние Skid Row (термин, который родился в Сиэтле).

Никто из их друзей не ожидал чего-то сверхъестественного от их группы, но многие пришли посмотреть на их выступление. И вот он, приятный сюрприз – группа была действительно великолепна. У них были настоящие песни, а Курт и вправду мог петь. И они были не против небольшого представления – Курт ненадолго надевал ботинки на невероятной серебряной платформе во время исполнения Love Buzz, подпрыгивал на пять футов в воздух и приземлялся на шпагат. Вскоре у Skid Row появилась собственная группа поклонников.

В апреле 1987 года они выступили на радиостанции KAOS Колледжа вечнозеленого штата в Олимпии. Курт завел там друзей, с которыми познакомился на концертах The Melvins, и один из них был диджеем на радиостанции. Запись этого выступления – живого полуночного шоу – стала первой демозаписью группы. Они исполнили прекрасные полноценные версии Love Buzz, Floyd the Barber, Downer, Mexican Seafood, Spank Thru, Hairspray Queen и трех других песен, названия которых даже Курт уже не помнит. Буркхард оказался солидным, крепким ударником в духе Джона Бонэма – своего рода обьяснение хард-рокового происхождения группы (интересно, что однажды их лучшим барабанщиком станет фанатичный поклонник Бонэма). Курт пел несколькими голосами – в том числе отчаянным дэт-металлическим рычанием и сдавленным воплем мартовского кота – совсем

не так, как он поет сегодня.

Позже они сменили много названий, в том числе Ted Ed Fred («Тед Эд Фред»), Bliss («Безмятежность» – «Я был под кислотой той ночью», – объясняет Курт), Throat Oyster («Устрица в горле»), Pen Cap Chew («Жевание колпачка ручки») и Windowpane («Оконное стекло»).

> И, наконец, группа остановилась на «Нирване», концепции в индуизме и буддизме, которую словарь Вебстера определяет как «угасание желания, страсти, иллюзии, эмпирического «Я» и обретение покоя, истины и неизменного бытия». Эта идея о рае – месте, где «никогда ничего не происходит», как однажды выразился Дэвид Бирн, – очень похожа на то, что Курт ощущал, принимая героин, но он говорит, что идея была не в этом.

– Мне нужно было красивое, милое и приятное слуху название, а не те злые, грубые панк-роковые названия типа Angry Samoans[43], – говорит Курт. – Я хотел чего-то другого.

Сейчас Курту уже не так нравится это название.

– Оно слишком сложное и серьезное, – говорит он.

А позже ему придется заплатить пятьдесят тысяч долларов другой группе за название, которое его даже не волновало.

Курт уже несколько месяцев не платил за свою маленькую лачугу, и в итоге его выселили. Трейси спросила, не хочет

---

[43] Angry Samoans – «Злые самоанцы».

ли он переехать к ней в Олимпию, и Курт согласился. Это было удобно, потому что Крист и Шелли решили переехать в Такому, и, если Курт тоже переедет, то держаться вместе будет намного проще. О Такоме для Курта не могло быть и речи, поскольку она, по его словам, «была более жестоким Абердином». Кроме того, Олимпия была классным студенческим городком.

Осенью 1987 года Курт переехал в крошечную однокомнатную квартиру-студию Трейси на Норт-Пирс-стрит, 114, в Олимпии («коробка для обуви», так называл ее Курт), которую они снимали за 137 долларов в месяц с учетом электричества, горячей воды и платы за вывоз мусора. Курт и Трейси прожили там чуть больше года, а потом переехали в маленький домик с одной спальней.

Курт сбежал из Абердина. Трейси вспоминает, что вскоре после того, как Курт переехал к ней, он сказал, что, пока Трейси была на работе, он поел сливочного сыра и крабов и чувствовал себя очень интеллигентным, сидя в Олимпии на полу из настоящего дерева и поедая такую причудливую еду.

Тем летом Крист и Шелли примерно месяц жили у них в квартире в рабочие дни, чтобы избежать двухчасовой дороги до работы, а это означало, что теперь в маленькой студии приходилось тесниться вчетвером. Шелли и Трейси работали в ночную смену в кафетерии «Боинга», а Крист работал в Такоме, зарабатывая шесть долларов в час в качестве промышленного художника. Ночью Курт спал, а днем болтался

по дому. На выходные Крист и Шелли возвращались к себе в Хокиам.

Все четверо проводили много времени вместе, развлекаясь или просто шатаясь по квартире, пялясь в телевизор или закидываясь наркотиками.

– Это была не та кислота, которую принимали The Beatles – вспоминает Крист. – Это была более быстрая, грязная кислота… Мы просто сходили с ума, бушевали всю ночь напролет.

Курт описывает квартиру как «лавку диковинок». Трейси каждый уик-энд ходила с Куртом по магазинам и возвращалась с целыми вагонами всяких безделушек.

– Там негде было развернуться, – говорит он.

Квартира была полностью обставлена вещицами из комиссионки, включая огромный плакат Aerosmith на стене в гостиной и кучу прозрачных пластиковых анатомических моделек. Стены были увешаны картинами Курта, вырезками из Weekly World News и National Enquirer, а также дорисованными религиозными картинками. Рядом с ним всегда находилась одна из самых ценных вещей Курта – Чим-Чим, его пластмассовая обезьянка.

Повсюду были животные – три кошки, два кролика, несколько домашних крыс и черепах. В доме воняло так же, как в абердинской лачуге. «Ад с крысиной мочой», – коротко описывал Курт их дом. Как-то раз к нему случайно зашел известный панк-рок-музыкант по имени Брюс Пэвитт,

и одна из домашних крыс укусила его за палец («Он кричал как девчонка», – хихикая, говорит Трейси). Позже Пэвитт создаст Sub Pop Records, первый лейбл Nirvana.

> Обычно Курт сидел дома, иногда неделями не выходя на улицу, предаваясь тому, что он называл «маленькой художественной фантазией». Он не особо уделял внимание культурной жизни Олимпии, но ему приятно было знать, что она есть. И не нужно было беспокоиться о том, что придется иметь дело с тупыми каменщиками и деревенщинами. Курт отрастил длинные волосы и сосредоточился на своем искусстве.

Курт начал коллекционировать и сам делать кукол. Это было началом долгой одержимости, которая продолжается и до сих пор. Он нашел вид глины, которая при обжиге приобретала самые странные цвета, и делал из нее кукол – вроде той, что изображена на обложке альбома Incesticide, но гораздо более сложных и причудливых. Курт находил кукол-младенцев, покрывал их глиной и запекал в духовке, делая их похожими на древние артефакты. Еще он коллекционировал старинных кукол-младенцев, особенно тех, что выглядели пугающе живыми.

Работая в курортном отеле, он однажды зашел в комнату, где остановился гинеколог, и позаимствовал книгу, полную фотографий влагалищ с различными болезнями. Курт вырезал их, собрал коллаж, перемешав фотографии с изображениями кусков мяса и иллюстрацией с Kiss, и повесил его на

дверцу холодильника.

Курт прошел через короткую фазу дэт-рока (Black Sabbath, а не Bauhaus) и начал строить вертепы, полные разлагающихся тел, скелетов и демонов.

Он делал психоделические ленты, которые сочетали христианские записи, политические речи, рекламные ролики и музыку, которая замедлялась или ускорялась. Он делал коллажи, но в основном писал картины. Они были наполнены странными раздутыми фигурами или зародышами, помещенными в пейзажи из шипов. Эти картины трудно воспринимать не как автобиографические, изображающие беспомощных детей, дрейфующих во враждебных мирах.

Занимался Курт и скульптурой.

– Он делал эти невероятно красивые, сложные скульптуры из всякой странной дряни, которую скупал в комиссионных магазинах, – говорит Слим Мун. – Маленькие статуэтки и фигурки людей-невидимок. Это была дикая смесь артефактов поп-культуры, добытых в магазинах распродаж, вперемешку с настоящими глиняными скульптурами – этими жуткими, замученными фигурами. Курт мог сделать огромную, размером четыре на четыре фута, диораму или собрать скульптуру в аквариуме и сидеть около нее неделями, и всякий, кто приходил к ним в гости, поражался тому, насколько он талантливый скульптор. Мы пытались уговорить его устроить выставку в «Смитфилде» (кафе), а Курт просто отвечал «нет» и все ломал. На следующий день все исчезало,

и он начинал заново.

Необходимость – мать изобретательности, и именно так Курт придумал одно из своих любимых украшений.

– У меня странное магнетическое притяжение к мухам, – говорит Курт. – Ну, или же мухи сами притягиваются ко мне. Я просыпался утром, и они не давали мне спать часами, жужжа и ползая по моему лицу. Мухи просто нападали на меня, и это происходило постоянно.

Курт развесил по квартире десятки липких полосок от мух, и вскоре они собрали на себе все виды мертвых насекомых.

> Курт утверждал, что доход от деятельности группы позволял оплачивать скудную арендную плату, но иногда Трейси просила его все-таки найти работу, и тогда Курт предлагал съехать и жить в его машине, и этого было достаточно, чтобы она на некоторое время переставала его пилить. Похоже, что Трейси была не только любовницей Курта, но и покровительницей.

Курт настаивает, что работал наравне с другими, в том числе из-за того, что в Сиэтле происходило нечто необычное. За несколько лет до появления Nirvana антиматериалистические сиэтлские панк-группы позволяли местным клубам обдирать себя. Но к этому времени музыканты Сиэтла неофициально объединились и ясно дали понять, что больше не будут играть за гроши. Зарождающийся сиэтлский лейбл звукозаписи Sub Pop сыграл большую роль в обеспече-

нии хороших гонораров за выступления некоторых из своих музыкантов. Курт помнит один из ранних концертов в Vogue перед тремя сотнями зрителей, за который группе заплатили шестьсот долларов – приличная сумма даже в наши дни.

Но чтобы накопить достаточно денег для записи полноценного демо, той осенью Курт устроился на работу в клининговую компанию за четыре доллара в час. Он разъезжал по городу в тесном фургоне с двумя «адскими коллегами» – так он их называл, «они были хуже обычных тупоголовых абердинцев». Как правило, его товарищи по работе за ночь потребляли по паре упаковок пива, называли Курта педиком и гоняли его вокруг фургона. Некоторые из их клиентов были врачами и стоматологами, и коллеги могли показать Курту, как красть таблетки и вдыхать закись азота так, чтобы никто не узнал.

Позже Дилан Карлсон и Слим Мун переехали в соседний дом. Поскольку Курт работал по ночам, а Карлсон был безработным, они много общались, разделяя свое презрение к кальвинистам («Я думаю, что мы с Куртом были единственными людьми, которые не играли с йо-йо тем летом», – говорит Карлсон). Эти двое развешивали гирлянды с безвкусными лампами пятидесятых годов (еще одна покупка в благотворительном магазине) и устраивали барбекю на заднем дворе. Иногда приходил Крист, открывалась бутылка красного вина, и они начинали творить разные безобразия. Один раз, после того как они втроем с садовыми стульями напали

на брошенный «Кадиллак», приехала полиция.

Тем не менее Курт по большей части был затворником и оставался таковым практически все четыре года, которые жил в Олимпии.

– Он был похож на отшельника в пещере, – говорит Слим Мун. – Так мы его и воспринимали – как безумного отшельника, который сидел и играл на гитаре по двенадцать часов в день и никогда не выходил из дома, разве что на гастроли.

Хотя Курт не отличался общительностью, он был довольно популярен в городе. Курт ходил на вечеринки, садился где-нибудь и просто тихо улыбался. Для большинства обитателей Олимпии он был чистым листом бумаги, таким, каким они хотели его видеть. Им нравился Курт, но они никак не могли понять почему, и эта тайна, казалось, проникла и в его музыку.

Через некоторое время Курт получил свой собственный маршрут уборщика, но он был далеко не образцовым работником. Курт ехал в фургоне до первого попавшегося здания, разбрасывал везде какие-то бумаги, а потом шел домой и дремал. Ближе к концу смены он посещал еще несколько мест и проделывал ту же самую небрежную работу. Через восемь месяцев его уволили.

Курт признает, что всегда был ленив, но утверждает, что его мрачный послужной список связан не только с простой усталостью.

– У меня всегда были ужасные отношения с

коллегами, – говорит он. – Я не могу ужиться с обычными людьми. Они так действуют мне на нервы, что я просто не могу их игнорировать. Мне нужно смотреть им в глаза и говорить, что я ненавижу их до глубины души.

И все же Курт кое-чему научился у своих коллег: воровать наркотики. Его любимыми – если, конечно, удавалось достать – были кодеин и викодин, опиатное обезболивающее. Он курил марихуану и несколько раз принимал героин. Курт попробовал кокаин и метамфетамин, но они ему не понравились.

– Я чувствовал себя слишком уверенным в себе, – говорит Курт. – Слишком общительным.

Примерно в это же время он впервые почувствовал ужасную, пронзительную боль в животе.

– Жжет, тошнит, как от самого страшного желудочного гриппа, который только можно себе представить, – говорит Курт. – Ты чувствуешь, как боль пульсирует так, словно сердце находится у тебя в животе, и это очень больно. Я ощущаю ее – красную и сырую. Боль возникает по большей части во время еды. Примерно в середине приема пищи, как только еда попадает в определенную область желудка, где все воспаленное, появляется боль, потому что еда попадает на больное место, и оно начинает гореть. Наверное, эта боль – одна из самых сильных, какие я когда-либо испытывал в жизни.

С тех пор болезнь подчинила себе жизнь Курта и ставила

в тупик даже самых выдающихся специалистов.

Тем временем Аарон Буркхард по-прежнему обещал купить новую пару барабанов, но так и не сделал этого и даже не всегда приходил на репетиции, предпочитая им походы на вечеринки с приятелями.

– Они хотели репетировать каждый вечер, – говорит Буркхард. – Каждый вечер. А я хотел немного передохнуть. Пару раз я не пришел на репетицию, и парни немного разозлились.

Для Буркхарда группа была просто забавой: «Мы не собираемся делать на ней никаких денег или чего-то подобного, понимаете?»

Возможно, здесь была и какая-то принципиальная несовместимость. Хотя сейчас Буркхард называет себя фанатом панк-рока, но он не был настролько предан ему, как Курт и Крист.

– На самом деле я не очень люблю все это, – признается Буркхард, – разноцветные волосы и тому подобное.

К этому времени Крист и Шелли уже жили в Такоме, а Курт – в Олимпии, но Буркхард никуда не собирался переезжать – его подруга жила в Абердине, а сам он надеялся стать полноправным управляющим в «Бургер Кинг». По иронии судьбы его двоюродный брат женился на дочери владельца франшизы, и Буркхард так и не поднялся выше менеджера по производству. Связь с Буркхардом была на время потеряна.

В это время Курт и Крист решили порепетировать с Дейлом Кровером, намереваясь записать демо. Так они могли сохранить жизнедеятельность группы. С Кровером они репетировали три уик-энда подряд, а затем отправились на студию Reciprocal Recording в Сиэтл и 23 января 1988 года записали демо.

> – После записи демо, – вспоминает Курт, – мы поняли, что это действительно хорошая музыка, и в ней было что-то особенное, поэтому мы стали относиться к ней гораздо серьезнее.

Курт говорит, что он случайно выбрал самую популярную студию в Сиэтле, просто сравнив ее с другими в Seattle Rocket, бесплатной музыкальной газете, которая остается информационным центром сцены Сиэтла. Эта студия была самой дешевой в городе, и именно поэтому – самой популярной. Но другие утверждают, что Курт выбрал Reciprocal, потому что именно там была записана его новая любимая пластинка, The Screaming Life группы *Soundgarden*, изданная начинающим сиэтлским инди-лейблом Sub Pop.

– На самом деле Курт хотел записаться там, потому что ему очень нравилось звучание пластинки Soundgarden, – говорит Кровер, который договаривался о времени записи в студии. – Насколько я помню, в то лето он действительно увлекся этим делом.

Курт упорно отрицает это. В любом случае, они планировали работать с другим звукоинженером, но в последнюю

минуту вмешался Джек Эндино, вероятно, потому, что он хотел работать с Кровером, который уже был известен как отличный барабанщик.

Эндино, бывший инженер военно-морского флота, уже стал крестным отцом сиэтлской сцены. Записывая (он никогда не «продюсировал» – это было не в духе панк-рока) бесчисленные группы за смешные деньги, он способствовал росту сцены и сделал реальное финансовое предложение лейблу Sub Pop. Легкий, добродушный стиль общения Эндино и ревущий звук записей сделали его фаворитом среди молодых, «сырых» групп района. Он основал Reciprocal Recording, студию в районе Баллард в Сиэтле, вместе с Кристом Хансеком, который также продюсировал сборник *Deep Six*.

Студия была такой же посредственной, как и репетиционный зал группы, – облезлая краска на фанерных стенах, сигаретные отметины на всех горизонтальных поверхностях, и если кто-то проливал пиво на ковер, то этому не придавалось никакого значения. Мало кто из групп Сиэтла не видел Reciprocal (или его более позднее воплощение, Word of Mouth) изнутри.

Друг Криста Дуайт Кови отвез группу и их оборудование в Сиэтл на своем потрепанном «Шевроле-Кемпере» с работающей дровяной печью.

После того, как Крист записал свои партии, он решил повеселиться с Дуайтом и сыном Дуайта, Гаем.

– У него был этот «самолет» с травкой, и мы курили в туалете, – говорит Крист. – Я так накурился, что мне пришлось даже выйти на улицу.

Они сидели в фургоне и жгли костер, пока Курт пел.

Группа записала и свела десять песен за шесть часов (Эндино взял оплату только за пять). В основном все треки были записаны вживую, за один-два дубля. Курт записал весь вокал в один присест. К трем часам дня они закончили запись. Floyd the Barber, Paper Cuts и Downer позже вошли в состав альбома *Bleach*. Два других трека так и не были выпущены: If You Must и Pen Cap Chew[44], которая обрывалась, потому что лента закончилась. Версия Spank Thru была позже перезаписана с Чэдом Ченнингом на барабанах и выпущена на Sub Pop 200. Остальные четыре песни – Beeswax, Mexican Seafood, Hairspray Queen и Aero Zeppelin – можно найти на Incesticide. Криста уволили с работы, и Курт заплатил за запись 152,44 доллара, которые скопил, работая уборщиком.

Кровер организовал для них выступление вечером того же дня в Такоме, в Community World Theater. У группы опять не было названия, и Кровер предложил Ted Ed Fred – в то время он так называл друга своей мамы Грега Хокансона. Крист пришел в себя после выкуренной травки только перед самым началом выступления.

Курт был очень доволен демозаписью. Трейси помнит, как он сидел в ее машине, держа в руках

---

[44] В 2004-м вышли на бокс-сете «With the Lights Out».

готовую запись, с широкой улыбкой на лице.

Эндино запись тоже понравилась, поэтому в тот вечер он сделал копию для себя и дал кассету Джонатану Поунману, только что выпустившему пластинку Soundgarden на Sub Pop, который был основан его партнером Брюсом Пэвиттом несколькими месяцами ранее. Среди групп Сиэтла было не так много тех, о которых Поунман, бывший организатор клубных концертов, не знал, но, как говорит Эндино, «эти ребята были из Абердина».

Поунман искал новые группы для пополнения списка Sub Pop, и поэтому поинтересовался у Эндино, не слышал ли тот чего-нибудь стоящего в последнее время. Эндино ответил: «Ну, приходил тут один парень – по правде говоря, я не знаю, что с ним делать. У него действительно потрясающий голос, он пришел вместе с Дейлом Кровером. Я не знаю, что из этого можно слепить, но в его голосе столько могущества. И он очень похож на автомеханика».

Поунману понравилась запись.

– Голос этого парня меня просто ошарашил, – говорит он. – Было не так, как обычно бывает, – ты слушаешь одну песню, и она сносит тебе крышу, а все остальные кажутся на ее фоне не такими выразительными. Музыка была полна какой-то необузданной мощи. Я помню, что прослушал запись и просто сказал: «О боже».

Взволнованный, Поунман принес демо в Muzak, компанию по выпуску фоновой музыки, где почти все, кто что-то

из себя представлял на сиэтлской сцене, работали на грязной работе, такой как чистка кассетных коробок или копирование записей. Марк Арм из Green River (ныне в Mudhoney), Рон Рудзитис из Room Nine (ныне в Love Battery), Тэд Дойл (переселенец из Айдахо, который вскоре возглавит группу TAD), Крист Пью из Swallow, Крис Экман из Walkabouts и Брюс Пэвитт – все они работали в Muzak, превращая его в то место, где рождались и обсуждались идеи и мнения о рок-н-ролле.

– Если кто-то вдруг хочет разбогатеть, – объявил Поунман, – имейте в виду, эта группа ищет барабанщика.

Но музыкальному жюри запись не понравилась. Аранжировка музыки была слишком страдальческой и сложной для компании из Muzak, которую привлекали более прямолинейные рокеры типа Wipers, Cosmic Psychos и The Stooges. Но у парня был отличный голос. С другой стороны, ребятам из Muzak он все равно мог не понравиться.

– Все хотели, чтобы их близкие друзья были самыми большими звездами, – говорит Пэвитт, – а Nirvana была из другого города, поэтому люди немного придерживали свои ставки.

Поунман помнит, как Марк Арм говорил, что звучание записи было чем-то похоже на Skin Yard, «но не настолько хорошо».

– В основном люди были сосредоточены на своих командах и их музыке, – говорит Пэвитт.

Пэвитт считал, что в этом слишком много «рока» – слиш-

ком много тяжелого метала и недостаточно андеграунда. Поунман и Пэвитт организовали концерт в Central Tavern – в восемь вечера воскресенья, – на котором было довольно мало людей, хотя некоторое время спустя многие стали утверждать, что были там. И хотя группа еще была сырой, часть материала определенно была стоящей. Пэвитт согласился, что у группы есть потенциал. Поунман вспоминает, как Курта вырвало за кулисами перед началом представления.

– Группа не слишком впечатлила меня, – признается Пэвитт. – Я не видел у Nirvana интересного музыкального ракурса.

Но Поунману музыка понравилась, и Пэвитт, бывший журналист, начал искать зацепку, с помощью которой можно было бы продать группу музыкальной прессе – продвижение небольших инди-лейблов по большей части зависит от средств массовой информации. И вскоре Пэвитт кое-что нащупал.

– Чем больше я размышлял о том, кто они такие и что происходит в Сиэтле, – говорит Пэвитт, тем больше это начинало оправдывать шутки Тэда – мясника из Айдахо, из настоящего рабочего класса (ненавижу выражение «белый мусор»), – это было что-то непридуманное, что-то более массовое, для простых людей.

До тех пор (и в общем-то после) независимая музыка на Восточном побережье подчинялась замкнутому кругу бюллетеней, фэнзинов, радиостанций и клубов. Вместо яйцего-

ловой шайки выпускников колледжей и школ искусств «мы старались работать с умными творческими людьми, не все из которых учились в колледже, – говорит Пэвитт. – И чем больше я узнавал Курта, тем больше мне казалось, что он вписывается в эту картину так же хорошо, как и Тэд».

Сразу после переезда к Трейси в Олимпию Курт жаловался, что его не принимают в Сиэтле, потому что он не является частью их общества. Через год Курт уже не хотел ходить на концерты, потому что многие хотели с ним пообщаться. Все слышали демозапись. Эндино записывал кассеты для своих друзей, которые в свою очередь копировали их для других своих знакомых.

Курт сделал несколько копий демозаписи и разослал их по всем инди-лейблам, какие только мог вспомнить, включая SST в Лондейле, Калифорния, и Alternative Tentacles в Сан-Франциско. Но больше всего ему хотелось попасть на чикагский лейбл Touch&Go – дом для некоторых любимых групп Курта, таких как Scratch Acid, Big Black и Butthole Surfers. Он разослал по лейблам около двадцати экземпляров записи, которые всегда сопровождались письмами и «маленькими подарками», которые варьировались от маленьких игрушек и горстей конфетти до использованного презерватива, наполненного пластиковыми муравьями, или куска бумаги, измазанного козявками из носа (трюк, подозрительно похожий на тот, который Big Black проделали со своим EP Lungs). Но никто, в том числе Touch&Go, ему так и не ответил.

Курт не отправил кассету в Sub Pop, потому что едва знал об их существовании. Не теряя ни секунды, Поунман позвонил Курту и сказал, что запись ему понравилась. Курт считал Поунмана крутым, потому что он был связан с Soundgarden, его любимой группой в то время. Они договорились встретиться в кафе Roma на Бродвее в Сиэтле.

Первыми на место приехали Курт и Трейси. Трейси была полна подозрений и настороженно относилась ко всему этому – ей не нравилось, как Поунман держал руки в карманах своего длинного плаща или как нервно осматривал комнату. «Он выглядел так, будто скрывается от полиции», – вспоминает она.

Поунман вспоминает Курта как «очень робкого, очень уважаемого» и «очень милого, приятного парня». Крист, который появился вскоре после Курта и Трейси, – совсем другое дело. Он нервничал из-за предстоящей встречи и по дороге в Сиэтл прикончил несколько бутылок Olde English[45] в 40 унций. К моменту приезда он был уже совсем пьян и распивал еще одну бутылку, которую поставил под столик в кафе. На протяжении всей встречи Крист свирепо смотрел на Поунмана и оскорблял его, громко рыгая и время от времени оборачиваясь, чтобы рявкнуть на других посетителей: «На что, черт возьми, вы смотрите? Эй! *Эй!*» Курт вспоминает это как «одну из самых забавных вещей, которые я когда-либо видел».

---

[45] Olde English – солодовый ликер, тип крепкого пива.

Поунман изо всех сил старался не обращать внимания на Криста и объявил, что хочет в ближайшем будущем выпустить сингл Nirvana.

Начало 1988 года было для сцены Сиэтла периодом застоя. Ключевые группы, такие как The Melvins, Green River и Feast, либо взяли перерыв, либо вовсе распались. Такие группы, как Tad, Mudhoney и Mother Love Bone, только начинали свою деятельность. Так же, как и Sub Pop Records.

Поначалу Sub Pop был фэнзином, который издавал Брюс Пэвитт, переселенец из Чикаго, изучавший панк-рок в свободомыслящем Колледже вечнозеленого штата в Олимпии. Пэвитт вскоре начал издавать компиляции[46], освещавшие региональные музыкальные сцены США, и в конечном итоге осветил Сиэтл в своем первом виниловом релизе Sub Pop 100. В 1987 году он выпустил запись *Dry as a Bone* сиэтлской группы Green River, которая осмелилась смешать противоречивые звуки метала и панка (позже группа разделилась на Mudhoney и Pearl Jam). Их общий друг Ким Тайил из Soundgarden познакомил Пэвитта с Джонатаном Поунманом, диджеем на радио и промоутером рок-шоу в Сиэтле. В 1988 году они выпустили пластинку Soundgarden *Screaming Life.*

Хитрые, красноречивые и наделенные хорошим слухом,

---

[46] Компиляция – литературная деятельность, заключающаяся в сочинении и написании текстов (научных, учебных, художественных) на основе чужих исследований или произведений, без их самостоятельной творческой обработки, иногда и без осмысления использованных источников.

Пэвитт и Поунман обладали талантом к саморекламе и, внимательно изучив успехи и неудачи предыдущих инди-лейблов, быстро сделали сиэтлскую сцену в целом и Sub Pop в частности самой крутой штукой в инди-роке. В городе были и другие лейблы, включая Popllama (издававший Young Fresh Fellows), но у Sub Pop был талант к рекламе. Для большинства обложек друг Пэвитта Майкл Лавин делал искусные, отшлифованные студийные фотографии, из-за которых складывалось впечатление, что лейбл выложил кругленькую сумму за модного фотографа. А на внутренней и задней обложке Чарльз Питерсон[47] определил характерные черты Sub Pop – нечеткие, размытые черно-белые кадры, которые часто отображали по большей части аудиторию, нежели саму группу. Питерсон бесстрашно пробирался в самую глубь слэма, ощущая все яростные движения, запах пота, волосы и обнаженные мужские торсы.

> Такая интересная новая группа, как Nirvana, была большой новостью. Гитарный стиль Курта был неровным, но в нем была несомненная металлическая жилка. Риффы были ловкими. Тот факт, что за такой короткий срок они уже звучали настолько круто, поразил Эндино, записавшего уже много групп.

Уже тогда Курт необычным образом направлял свои ме-

[47] Чарльз Питерсон – американский фотограф, наиболее известный сотрудничеством с сиэтлским независимым лейблом Sub Pop и освещением в своих работах формирующейся гранж-сцены. Его фотографии представлены в документальном фильме о музыканте Курте Кобейне – «Курт Кобейн: О сыне».

лодии против ритмов и изменений аккордов. Вместо того чтобы просто следовать за гитарами, он изобрел практически контрапунктные[48] мелодические линии. Но на вершину группу возвел вокал Курта – каким-то образом он умел кричать *в тон*, а также петь очень доступным и привлекательным способом.

У них было дрянное оборудование и ужасные усилители. Долгое время им приходилось подкладывать двухдюймовую доску под басовый кабинет[49] Криста, потому что у него не было колеса (проблема была решена совсем недавно).

К этому моменту, в начале 1988 года, Кровер вместе с Осборном уехал в Сан-Франциско, но перед этим порекомендовал в качестве своей замены абердинца Дэйва Фостера. Фостер играл на бас-гитаре вместе с Кровером в стороннем проекте The Melvins, а также был прекрасным барабанщиком.

Курт и Крист не хотели видеть Фостера членом группы на постоянной основе. Фостер со своим навороченным пикапом и усами был слишком мейнстримным, слишком пафосным в глазах Курта и Криста. Тем не менее они дали ему послушать демо Кровера, и казалось, что Фостеру оно понравилось.

---

[48] Контрапункт – одновременное сочетание двух или более самостоятельных мелодических голосов.

[49] Басовый кабинет – специальным образом сконструированное устройство для воспроизведения низкочастотного звука бас гитары.

– Они многому меня научили в плане игры, – говорит Фостер, который в средней школе изучал джазовые барабаны. – Они просто велели мне забыть все это дерьмо и бить как можно сильнее. И еще, размер моей барабанной установки уменьшился вдвое. Когда я пришел в эту группу, у меня было двенадцать предметов, а когда покинул ее, осталось шесть.

Группа репетировала в гостиной нового дома Криста и Шелли на Перл-авеню в Такоме, рядом с зоопарком.

Первая вечеринка, которую они устроили, была битком набита новичками, хиппи и панками. Курт был одет в свою обычную обрезанную джинсовую куртку с приклеенной к плечу пластмассовой обезьянкой Чим-Чим и вырезанным из гобелена Вулворта[50] фрагментом «Тайной вечери» на спине, а Фостер был одет в свою обычную одежду абердинского металлиста. Во время их выступления панк схватил микрофон и сказал: «Боже, барабанщики из Абердина всегда странно выглядят!»

– Я чувствовал себя не в своей тарелке, – говорит Фостер, – но мне нравилось то, что они делали. Мне нравилось играть их музыку.

Поунман устроил им первое выступление в Сиэтле в начале 1988 года в клубе Vogue. Это было «Воскресенье Sub

---

[50] Майкл Вулворт – мастер-принтер американского происхождения, живущий и работающий в Париже. Делает оригинальные издания с современными художниками.

Pop». Чарльз Питерсон, местный заводила Сиэтла, вспоминает, что там было около двадцати человек, даже несмотря на то что на KCMU регулярно звучала Floyd the Barber. Тем не менее к группе, которая, судя по отзывам, была похожа своим звучанием на Blue Cheer[51], был большой интерес.

Такие люди, как Марк Арм, внимательно наблюдали из засады за этой разрекламированной новой группой. Позже Курт заметил, что ему казалось, будто они должны были показывать таблички с оценками после каждой песни.

Группа играла расхлябанно, и неисправная акустическая система делу никак не помогала. Питерсона, к примеру, не слишком впечатлил непримечательный внешний вид группы на сцене.

– Они не особенно привлекали внимание, – соглашается Поунман. И песни были слишком похожи на The Melvins.

Питерсон отвел Поунмана в сторону и спросил:

– Джонатан, ты уверен, что хочешь подписать с ними контракт?

– Мы полный отстой, – говорит Курт. – Мы все испортили.

Фостер продержался всего несколько месяцев.

> – Он был очень простым парнем, и я думаю, что мы просто испугали его, потому что были странными, – говорит Крист. – Фостер никогда раньше не видел никого, похожего на нас. Мы были полностью

---

[51] Blue Cheer – американская рок-группа, образовавшаяся в 1966 году в Сан-Франциско и названная «в честь» разновидности ЛСД.

антикультурными людьми.

– Я думаю, что это *они* чувствовали себя неуютно рядом с тем, кого, вероятно, считали задротом или кем-то в этом роде, я не знаю. Мне кажется, что они чувствовали себя неловко, когда приходили мои друзья. Потому что они были не похожи на тех людей, с которыми общались эти парни, – говорит Фостер. – Думаю, у каждого есть своя маленькая коалиция.

– У него была еще одна проблема, – рассказывает Крист. – Ему пришлось пойти на курсы управления гневом. Фостер ввязывался в драки и избивал людей до полусмерти. Однажды мы видели, как он ехал с другом за рулем своего грузовика, и какой-то парень плюнул на его грузовик, а Фостер вышел и ударил парня по голове.

Последней каплей в жизни Дэйва Фостера стало известие об измене подруги. Поэтому он поступил по-мужски, пошел и избил до полусмерти парня, с которым она ему изменяла. К несчастью для Фостера, его жертвой оказался сын мэра соседнего Космополиса. Фостера приговорили к одному году лишения свободы, но в итоге провел в тюрьме всего две недели и лишился водительских прав, а это означало, что он больше не сможет ездить из Абердина в Такому на репетиции с Куртом и Кристом.

Его дни в группе тоже были сочтены. Однажды вечером после репетиции Курт и Буркхард пили в трейлере отца Буркхарда в Спанавэе. Он сказал Курту, что пойдет за пи-

вом, и взял его машину.

Но вместо того чтобы пойти в магазин, Буркхард пошел по питейным заведениям. Проведя два часа за стаканом со своими приятелями, он решил вернуться в трейлер, и его остановил чернокожий полицейский, фамилия которого была Спрингстин. Пьяный Буркхард начал кричать: «Эй, Брюс! В чем дело, Брюс?» и в общем наговорил полицейскому «всякого дерьма». Офицер Спрингстин наказал его по всей строгости закона. Автомобиль Курта был изъят.

Поскольку в трейлере Буркхарда не было телефона, звонить в участок, чтобы вызволить Буркхарда из тюрьмы, пришлось Кристу. Он говорит, что Буркхард назвал полицейского «гребаным ниггером», и именно поэтому его задержали.

– Мне было очень неловко идти за ним, – говорит Крист.

– Мне есть что сказать, – признает Буркхард, – но я имею право хранить молчание.

Курт говорит, что на следующий день он позвонил Буркхарду и попросил его прийти на репетицию. Тот ответил, что у него слишком сильное похмелье, чтобы играть, и тогда Курт просто повесил трубку. После этого Буркхард покинул группу навсегда.

– Мне нравилось играть с этими ребятами, – говорит Буркхард. – Но я был молод, глуп и немного увлекся, понимаете?

Если бы Буркхард не пошел в тот вечер по кабакам, сейчас он мог бы быть миллионером.

– Да, – говорит Буркхард. – Но это все равно что играть в лотерею – можно угадать пять чисел и пролететь с шестым. Но я ни о чем не жалею. Я буду как… как там звали того парня из The Beatles?

В наши дни Пит Бест утеплял дома, но был уволен и теперь получает пособие по безработице. Еще он играет в спид-метал-группе под названием Attica, которая может похвастаться такими песнями, как Fuck Blister и Drunken Hell Thrash. Буркхард недавно провел три дня в тюрьме, потому что не оплатил штраф за вождение с отозванными правами – очевидно, он так и не получил назад свои права после того рокового инцидента с офицером Спрингстином.

Фостер по-прежнему считал, что состоит в группе. И вот однажды в начале лета он взял в руки номер Seattle Rocket, чтобы посмотреть, не предвидится ли хороших концертов. В номере говорилось, что Nirvana играет в Сиэтле в заведении под названием Squid Row этим вечером. Фостер позвонил Курту домой, и Трейси что-то ему наговорила. Потом он позвонил Кристу, и его сосед по комнате случайно проболтался. У них уже был другой барабанщик.

– Я был чертовски зол, – говорит Фостер. – Ощущение было такое, словно ты застал свою девушку в постели с другим.

Помните, что случилось в прошлый раз, когда Фостер так себя чувствовал? Он долго расстраивался, особенно когда услышал, что Nirvana открывала концерт Butthole Surfers.

– Теперь, со всем этим дерьмом, состояние стало еще хуже, – говорит Фостер. Но он относится к этому философски.

– Наверное, у них были на то причины, – говорит он. – Мне бы очень хотелось, чтобы все было иначе, ведь я всегда хотел заниматься именно этим, зарабатывать на жизнь игрой на барабанах.

– Он был таким мейнстримным парнем, – говорит Крист. – Я думаю, что мы просто пугали его. Из-за нас он нервничал, и это негативно сказывалось на его игре.

– Мне вовсе не было неловко, нет, – говорит Фостер. – Мне казалось, что это скорее им было неудобно. Меня это нисколько не беспокоило.

– И его семья была полной, в отличии от наших, – шутит Крист.

Барабанщиком в Squid Row в тот вечер был Чэд Ченнинг, маленький, похожий на эльфа парень, напоминающий Элроя из мультсериала «Джетсоны».

– Он эльф, – говорит Курт. – Он должен быть символом фабрики Киблера[52]. К тому же он один из самых приятных людей, которых я когда-либо встречал.

Ченнинг жил на острове Бейнбридж, в одном богатом пригороде, в нескольких минутах езды на пароме от Сиэтла, через Пьюджет-Саунд. Как и Курт, Чэд страдал гиперактивностью и принимал риталин. И так же, как у Курта и Криста,

---

[52] Keebler Company – производитель печенья и крекеров, их эмблемой и является эльф.

его родители разъехались, хоть и не были разведены.

Чэд Ченнинг родился 31 января 1967 года в Санта-Розе, штат Калифорния, в семье Бернис и Уэйна Ченнингов. Уэйн был диджеем на радио и постоянно менял работу, разъезжая по всей стране – от Калифорнии до Миннесоты, от Гавайев до Аляски, в Айдахо и обратно.

> – Нашим правилом было «переезжать каждые шесть месяцев», – говорит Чэд. – Поэтому, каких бы друзей я ни завел, куда бы ни пошел, я знал, что это все лишь на время. Все было временным. И это было довольно странно. На самом деле нет смысла с кем-то общаться, заводить друзей, ведь все равно рано или поздно ты просто возьмешь и уедешь.

Чэд мечтал стать футболистом, но в тринадцать лет сломал бедренную кость в результате несчастного случая в спортзале. Ему потребовалось почти семь лет реабилитации и операция для полного восстановления. За это время он открыл для себя музыку и научился играть на барабанах, гитаре и еще на нескольких инструментах.

Как и Курт, Чэд бросил школу в выпускном классе. Он так много пропустил в школе из-за того, что лежал в больнице, что ему пришлось бы пройти через месяцы летней и вечерней школы, чтобы все-таки получить диплом. Он хотел стать музыкантом и не видел в этом смысла. Чэд работал поваром в рыбном ресторане на острове Бейнбридж, когда познакомился с Куртом и Кристом. По ночам Чэд развлекался с дру-

зьями, курил травку, пил и употреблял сильнодействующую местную кислоту, которая, как многие клянутся, поджарила мозги целому поколению жителей Бейнбриджа.

Когда Чэд впервые услышал о группе Курта и Криста, они назывались Bliss. Bliss делили сцену с группой Чэда Tick-Dolly-Row (down and out – термин моряков, означающий безработный, беспомощный, потерявший средства к существованию), в которой участвовал вокалист Бен Шепард, который позже стал играть на гитаре в Soundgarden. Курт и Крист обратили внимание на барабанную установку Чэда North, сделанную из стекловолокна и имевшую уникальные конусообразные корпуса.

– Парни заметили мою установку North, – говорит Чэд. – Она была довольно громкой и именно этим привлекла их внимание. Я помню, как давным-давно, когда они впервые нас увидели, Курт сказал: «Боже, как бы я хотел заполучить этого парня! Только посмотри на эти барабаны! Это самая странная хрень, какую я когда-либо видел!»

Курт и Крист некоторое время думали, не пригласить ли на барабаны Тэда Дойла, а затем дали объявление в «Rocket»: «Тяжелая, с небольшим уклоном в панк-рок группа типа: Aerosmith, Led Zeppelin, Black Sabbath, Black Flag, Scratch Acid, Butthole Surfers, ищет барабанщика». Курт получил кучу скучных ответов, но в это же время их общий друг Деймон Ромеро познакомил Курта и Криста с Чэдом на прощальном шоу Malfunkshun в Community World Theater.

Они немного пообщались и договорились вскоре поиграть вместе в доме Криста. Чэду понравилась группа, но он не был готов дать окончательный ответ. Потом Чэд увидел выступление группы в Колледже вечнозеленого штата, они еще немного пообщались и снова договорились вместе поиграть.

– Я просто приходил и играл, – говорит Чэд. – На самом деле мне никогда и не говорили: «ладно, ты в деле» или чего-то подобного.

Курт и Крист построили в подвале у Криста репетиционную студию из старых матрасов, ковров из магазина «Гудвилл», упаковок от яиц, которые Шелли и Трейси приносили домой с работы, и обрезков дерева, стащенных со строительных площадок. Было по-прежнему довольно шумно, и соседи продолжали жаловаться, поэтому они не могли репетировать допоздна. Однажды домашний кролик Криста и Шелли выбрался из клетки и перегрыз удлинитель, спускавшийся в подвал. Группе пришлось прервать репетиции на неделю, пока они не накопили достаточное количество денег на новый шнур.

После того, как Чэд разобрал свою гигантскую установку, как это до него сделал Дэйв Фостер, они репетировали материал с записи Кровера, а также новые песни, такие как Big Cheese и School. Песни писались совместно – Курт играл рифф, а двое других присоединялись к нему. Они начали репетировать минимум два-три раза в неделю, и очень быстро у них появилась целая серия новых песен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.